

Дарья Донцова

Мидж напрокат

Следствие ведет детектив **Евлампия Романова**

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова

Имидж напрокат

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Имидж напрокат / Д. А. Донцова — «Эксмо», 2016 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

ISBN 978-5-699-90720-5

Надо же было Евлампии Романовой так удачно упасть с лестницы – ничего не повредила, только головой немного стукнулась. Правда, подруга уложила-таки ее по благу в дорогой реабилитационный центр. В первый же день, отправившись на экскурсию по бывшему имению графа Милова, где сейчас находится клиника, Лампа стала свидетелем гибели одной из пациенток. Чтобы прийти в себя, вышла Лампа в старинный парк, дошла до беседки, а там... натолкнулась на очередную загадку. Кому принадлежит механический голос из забытого кем-то телефона? И загадок тех целый букет. Откуда в Москве взялся заморский жук-древоточец? Что означают черепушки на браслете медсестры? Как монашка может быть чьей-то прапрабабушкой? Сложно Лампе со слегка сотрясенной головушкой найти ответы. Но ничего невозможного нет!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90720-5

© Донцова Д. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дарья Донцова

Имидж напрокат

© Донцова Д.А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

«Тот, у кого нет своих детей, всегда прекрасно знает, как надо воспитывать чужих...»

Я открыла глаза и увидела двух женщин, одна из них была в голубой «пижаме», в каких ходят врачи, другая в длинном сером платье, белом фартуке и косынке с красным крестом. Стоя спиной ко мне, они продолжали тихий разговор.

– Затравила совсем мою Машку. Мол, и бегаёт моя дочь на переменах, и голос-то у неё слишком громкий, – жаловалась доктор.

– Так радоваться надо, что ребенок активный, значит, здоровый, – сказала её собеседница. – Хуже нет, если дитя букой в углу сидит.

– Ксюшенька, у тебя свои дети, поэтому ты меня понимаешь. А наша училка старая дева, зудит осенней мухой: «Первоклассник обязан молча работать во время урока, а на перемене ходить по коридору мерным шагом, заложив руки за спину». Это заявление я на родительском собрании слышала. А теперь скажи, найдется ли хоть один семилетка, способный так себя вести?

– Похоже, педагоги мечтают учить глухонемых детей в инвалидных колясках, – раздраженно подхватила Ксения, – те уж точно бегать не станут. И чтобы отцы у них были сплошь олигархи, которые давали бы школе несметные деньги. Вечно от родителей что-нибудь требуют – то занавески купить, то оборудование для спортзала. А туалетная бумага? С каждого ребенка в месяц по рулону! Да еще по бутылке жидкого мыла. И цветы-подарки к каждому празднику. Представляешь, наш физкультурник разозлился, что ему ко дню рыбака родительский комитет конверт с купюрами не вручил, и всему классу неуды вклеил. Кстати, вот что интересно, многие учителя двойки детям ставят, идиотами их обзывают, а как только родители кого-то из них репетитором наймут, сразу меняются: «Сю-сю-сю, Машенька такая молодец, чмок-чмок, у неё пятерочка».

Я медленно села, и кровать закрипела. Болтушки обернулись, врач обрадовалась:

– Евлампия Андреевна, наконец-то вы очнулись! Как самочувствие?

Ксения, не говоря ни слова, убежала.

Я потеряла ладонью лоб.

– Добрый день.

– Утро, – поправила врач. И уточнила: – Восемь часов. Давайте познакомимся. Я – Валерия Львовна, дежурный терапевт. А как вас зовут?

– Лампа, – привычно ответила я. И слегка удивилась вопросу: – Но вы же знаете, как меня зовут, только что произнесли мои имя и отчество.

– Ой, какая вы умница! – обрадовалась Валерия. – Теперь скажите: где вы сейчас находитесь?

– Судя по интерьеру, в больнице, – протянула я.

– Молодчина. Просто герой! – рассыпалась в похвалах Валерия Львовна. – А как сюда попали?

– Не знаю, – растерялась я.

– Не беда, – улыбнулась врач, – это не самое страшное. К нам иногда привозят людей, которые не могут сообразить, какого они пола, мужского или женского. И ничего, через месяц-другой все у них налаживается.

Дверь палаты распахнулась, внутрь ворвалась орава людей с воздушными шариками, флажками и букетами.

– Лампудель, узнаешь меня? – спросила шагавшая впереди всех Катя. В руках моя подруга держала большую спортивную сумку. Следом за Катей шел юноша с плюшевым медведем.

Я закуталась в одеяло.

– Нет! Вы кто?

Все замерли. Лицо Кати на секунду приняло озабоченное выражение, но потом его сменила широкая улыбка.

– Лампуша, не переживай, ты обязательно поправишься.

– Вот и отлично, что ты все позабыла, – обрадовалась высокая стройная девушка. – Значит, больше не будешь злиться за разбитую мной лампу.

– Лиза, убитый тобой светильник навечно останется в моей памяти, – заявила я. – Увидела его в Питере и очаровалась – основанием лампы с красивым абажуром была статуэтка кошки, сидящей в кресле и читающей книгу. Я везла ее в Москву на груди, боясь повредить, она жила у меня на тумбочке два года. А потом приехала Лизонька и... бумс, нет моей кошки.

– Ты все помнишь! – засмеялась Катюша.

Я спустила с кровати ноги и стала нашаривать тапки.

– Вас забудешь... Зачем пришли?

– Палату празднично украсить, – сообщил Кирюша, – чтобы тебе, Ламповецкий, весело стало.

– Только занавески менять не будем, – заметила Лиза. И все рассмеялись.

– Больная не знает, как сюда попала, – сказала врач. – Екатерина Андреевна, вы же медик, а притащили цветы и мягкую игрушку. Что бы сами-то сделали у себя в отделении с родственниками, которые принесли больному медведя и пионы?

– Плюшевого зверя вон, букет на первый этаж в ларек с книгами, – ответила подруга. – Ни инфекция, ни аллергия мне у пациентов не нужны.

– Ну вот, – кивнула Валерия Львовна. – А тут нарушаете?

– Хорошо хоть они собак не привели, – ухмыльнулась я.

Катя открыла спортивную сумку, которую успела поставить на пол. Из ее недр, обиженно сопя, выбрались мои мопсики Фира и Муся, одетые в нечто белое, похожее на футболки.

– Ой! Какие хорошенькие! – умилилась Валерия. – Только с животными в клинику никак нельзя.

– Это медсестры, – поправил Кирюша, – средний медперсонал широкого профиля. Видите – обе в халатах. Я полночи им спецодежду шил.

– Девочки! – позвала я.

Фира и Муся взвизгнули и бросились к кровати.

– Не дай бог заотделением появится, – занервничала Валерия, – вломит он мне за присутствие ваших медсестер. Ладно, вы тут пока пообщайтесь, а я в коридоре покараулю, и если начальство с обходом покажется, сразу шумну.

Катя взглянула на меня:

– Правда, ты не знаешь, как очутилась на койке, или опять нас разыгрываешь?

– На сей раз честно говорю, – вздохнула я. – Это плохо? У меня что-то с головой?

– Что последнее в памяти задержалось? – осторожно поинтересовалась Катюша. – Только не вставай!

Я снова залезла под одеяло, оперлась спиной о подушку и начала перечислять:

– Был четверг. У Макса в одиннадцать утра самолет в Австралию, у нас там клиент. Я проводила его в Шереметьево. В час дня вернулась домой, и сразу позвонил Макс, сообщил: вылет задержали, только что их повели на посадку, через тридцать минут взлет. А дальше... Что делают француженка, немка, англичанка и русская, когда муж отбывает из дома на целый месяц? Парижанка спешит к любовнику, бургерша отправляется за покупками, англичанка рулит на экскурсию, а мы, русские, затеваем генеральную уборку, потому что мужчина в доме жуть как наведению порядка мешает.

– Главное, не давать ему вынести мешок с ненужными вещами на помойку, – подала голос из коридора Валерия Львовна, не закрывшая за собой дверь в палату. – Мой Коля всегда в него нос сует – и, глядь, назад барахло прет. Все-то ему нужно, и деревяшки поломанные, и гвозди, и штаны, которые в последний раз десять лет назад натягивал, не важно, что за эти годы пузо отрастил, брючата даже на одну ногу не налезут.

– Макс такой же, – усмехнулась я. – Поэтому я решила использовать его отсутствие по полной программе. Притащила лестницу, полезла занавески снимать, их давно пора было в чистку сдать, и...

Я замолчала.

– И? – повторила Лизвета.

– Дальше какие-то обрывки, – призналась я. – Вроде ты пришла... потом свет яркий, прямо в глаза... Что это было? Ой, погодите... Доктор сказала, что сейчас восемь утра. Значит, сегодня уже не четверг, а логично предположить, что пятница.

– Отлично соображаете, – приободрила меня Валерия, – кое-кто из здоровых на это не способен.

Лиза опустила на край кровати.

– Думаю, Лампудель, ты должна сделать кафе «Рыба из сказки» подарок.

– Никогда не слышала о таком заведении, – удивилась я. – Где оно?

– В торговом центре в пяти минутах ходьбы от твоего дома, – уточнила Лиза. – Я поехала в магазин за подарком для подруги – она собирает кукол, а там бутик с авторскими изделиями. Долго выбирала подходящую и в конце концов жутко захотела есть. Зарулила в эту сказочную харчевню, слопала палтус, направилась к метро. И тут в животе такая революция началась! Как будто у рыбки руки с кулаками отросли и она ими меня по кишкам принялась молотить. Короче, дико в туалет захотелось. И что делать? До подземки минут десять, вокруг парк, а в паре шагов твоя квартира. Знаешь, как я обрадовалась, вспомнив о тебе!

– Лампе очень приятно слышать, что ты, Лиза, испытав позыв кинуться к унитазу, подумала о ней, – заржал Кирюша.

– Ща получишь! – кровожадно пообещала девушка.

– Эй, вы уже слишком взрослые, чтобы драться, – предупредила я, – студенты, не первоклас-ники.

– Он первый начал, – заныла Елизавета.

– Нет, Лизка раньше сказала, что Лампа для нее символ поноса, – возразил Кирюша.

Я хлопнула в ладоши.

– Хватит! Хочу знать, что со мной случилось. Рассказывай дальше.

– Я побежала рысью к вам с Максом, – зачастила Лиза, – по дороге начала звонить, но никто не отвечал. Решила, что ты где-то шляешься.

– Шляешься... – задумчиво повторил Кирюша. – Мама, Лизка Лампу шляхой обозвала.

– Я? Лампушу? Шлюхой? – возмутилась Елизавета.

– Шляхой, – поправил Кирилл.

– Это кто такая? – не поняла Катя.

– Женщина, которая шляется, – объяснил парень.

– Она называется шлюха, – зашипела Лиза. – Не смей ругаться!

– Я сказал «шляха», – стоял на своем Кирилл. – И, кстати, «шлюха» не ругательство, так в девятнадцатом веке называли бездельниц. Например, у Владимира Даля в словаре написано, что шлюха – это девица, которая шлендает из угла в угол, слоняется, бродит от безделья.

– Значит, Лампа грязная шмотка? – насупилась Лиза.

Я решила прервать глупый спор, грозивший перейти в рукопашную.

– Ты не дозвонишься и дальше что?

– У меня же ключи есть, – пожалала плечами Елизавета. – Влетела в квартиру и сразу в туалет. Слышу, Фира с Мусей рыдают в гостиной, меня встречать не вышли. Подумала, что они опять лапами между диванными подушками попали, вытащить их не могут, поспешила мопсам на помощь. А в комнате...

Лиза схватилась ладонями за щеки и затрещала, как пулемет:

– Окна разбиты! Лампуша на полу! Кровью весь паркет залит! Мопсы при смерти! Вода из крана хлещет!

– Лизавета, остановись, – велела дочери Катюша. – Лампа, ты свалилась с лестницы, стукнулась головой о пол. Крови было две капли. Стекла целы. Фира с Мусей, как видишь, совершенно живы. Никакой воды и в помине не было.

– Лизка, как всегда, преувеличивает, – ехидно заявил Кирюша. – У нее вечно так: поцарапает палец, а говорит, что ей всю руку оторвало.

– Я спасла человеку жизнь! – пафосно объявила Лизавета.

– Лампе повезло, что ты пришла в квартиру сразу после ее падения и вызвала меня, – согласилась Катя. – Лампуша, ты права, сегодня не четверг.

– Пятница, – подсказал Кирюша.

Я заморгала.

– Ничего не помню про вечер четверга.

– Это пройдет, – улыбнулась Катя. – Явившись по звонку Лизы, я договорилась, чтобы тебя срочно доставили в клинику Милова. Для меня он просто Валера. Мы с ним в одной группе в институте учились, теперь он владелец современной больницы, совмещенной с центром реабилитации. Сам, правда, сейчас в командировке в Китае, но его заместительница сразу место нашла. У тебя сотрясение мозга. Упав, ты потеряла сознание, потом очнулась, но вскоре опять отключилась.

– Ничего не помню, – испугалась я, – ни как свалилась, ни как здесь очутилась.

– Доложите обстановку, – громко произнес в коридоре мужской голос. – Больная активна? Ее фамилия Романова?

Глава 2

Катя мигом схватила Мусю и запихнула ее в сумку. Кирюша хотел взять Фиру, но та, сопя, заползла под мою подушку. В палату вошел мужчина и неодобрительно крикнул:

– Ну и ну, посетители совсем распоясались... Плюшевого уroda вон! Цветы отнесите куда хотите, оставлять их в палате нельзя! И покиньте помещение, мне надо пообщаться с больной.

– Я хирург, – сказала Катя, – лучшая подруга пациентки.

– Очень хорошо, – кивнул доктор, – просто замечательно. У нас в холле удобные кресла, там и устраивайтесь. И раз вы медик, то какого черта притащили веники с плюшевым безобразием, а?

Мои гости схватили букеты, медведя, сумку и живо смылись.

Врач сел на табуретку.

– Тихон Федорович, так меня зовут. Понимаете?

– Да, – кивнула я.

– Ага, есть контакт с орбитальной станцией, – обрадовался он. – Я невропатолог. Вам понятно последнее слово?

– Крайнее слово, – решив позанудничать, поправила я. – Последнее произносит преступник на суде. А еще его кто-нибудь говорит у могилы.

– Я задаю вопросы, вы отвечаете, – не обращая внимания на мое выступление, продолжал Тихон Федорович. – Как вас зовут?

– Лампа.

– Как вас зовут?

– Лампа.

– Как вас зовут?

– Хоть сто раз спросите, ответ будет один: Лампа! – вскипела я. И повторила с расстановкой: – Лам-па.

Невропатолог почесал подбородок.

– Первое: таких имен нет. Нельзя нарекать женщину Лампой, а мужчину Торшером.

– Можно, – заспорила я. – Хотя в паспорте у меня указано имя Евлампия. Я сообщила вам сокращенный вариант, который мне нравится больше.

– Второе: это еще тест на раздражительность, – снова проигнорировал мое замечание врач. – Теперь я вижу – вы заводитесь с полоборота. Дальше. Столица России?

Я покорно ответила:

– Москва. – Не удержалась и добавила: – Доктор, я просто упала, когда снимала занавески, маразмом не страдаю.

Невропатолог задал новый вопрос:

– А государства Тувалу?

– Есть такое? – поразилась я.

– Конечно.

– Не знаю.

– Хм. Минус. Сколько будет семью восемь?

Я притихла. В те времена, когда меня звали Фросенькой¹, основной моей проблемой являлась математика. Ну не видел Господь меня Пифагором, и все тут. Пока на уроках речь шла о цифрах, я еще худо-бедно разбиралась в материале, научилась складывать-вычитать в столбик. Правда, с задачками дело обстояло намного хуже. У меня в ответах частенько фигу-

¹ О детстве Евлампии рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».

рировали два с четвертью землекопа или половина мальчика, отдавшего яблоки одной трети девочки.

Помнится, учительница Валентина Сергеевна Подколзина тщетно пыталась воззвать к моей логике:

– Фрося, ну подумай! Как может жить половина человека? Это нонсенс.

Я согласно кивала, но про себя возражала: в задачах существуют бассейны, в которые безостановочно наливается-выливается вода. По логике вещей нужно купить пробку и заткнуть сливное отверстие, но никто этого не делал, бассейны продолжали работать в том же режиме. Та же Валентина Сергеевна каждый урок заявляет: «Вы сидите на уроке без головы». Значит, учительница признает, что ребенок, у которого нет головы, может прийти в школу. Так почему бы не существовать четверти землекопа?

Но, повторяю, цифрами я еще могла оперировать, а вот когда появились буквы, наступил полный мрак. А плюс В равно С? Почему? Как можно складывать буквы? Я бы еще поняла пример типа А плюс А равно два А. Но соединить А с В – все равно что поженить ежа с черепахой. Вероятно, это и получится, но зачем? И совсем плохо у меня было с таблицей умножения – затвердить ее ученица Романова так и не смогла. Однако, повзрослев, дискомфорта я не испытываю, просто пользуюсь калькулятором.

– семью восемь? – повторил Тихон Федорович.

– Сорок восемь, – ответила я.

– Ммм, – протянул врач. – А восемью семь?

– Девяносто семь, – обрадовалась я.

– Сколько у человека зубов?

– У кого как, – хихикнула я.

Но невропатолог не улыбнулся.

– От природы.

– Двадцать восемь. Нет, тридцать... тридцать шесть... или восемь, – засомневалась я. –

В общем, много. И, как правило, все с дырками.

Тихон Федорович свел брови в одну линию.

– Постельный режим. Читать, смотреть телевизор, работать на компьютере нельзя.

Он встал и вышел в коридор. Я вскочила с кровати, приоткрыла дверь и тут же получила ею по лбу – кто-то толкнул створку назад.

– Ой! – взвизгнула я.

– Что вы делаете босиком на полу? – сурово спросила женщина в белом халате.

Отличный вопрос. Какой ответ предполагает услышать незнакомка? Что-нибудь вроде: «Я стою на полу, потому что не умею висеть в воздухе»?

– Идите в кровать, – потребовала дама, – а то разовьется близорукость.

Я посмотрела на свои ступни. Помнится, моя мама, бесконечно оберегавшая доченьку от сонма болезней, любила повторять:

– Не пей холодную воду – подхватишь насморк, он перейдет в гайморит, тот в менингит, последний тебя в дурочку превратит.

Мамина логическая цепочка от холодной воды до идиотии казалась мне вполне понятной. А как близорукость связана с босыми пятками? Где здесь логика?

– Кардиолог Наталья Федоровна, – представилась врач.

– Лампа, – улыбнулась я.

Брови доктора поползли вверх.

– Евлампия, – скоренько уточнила я.

– Сядьте на кровать, обопритесь о подушки, – скомандовала Наталья Федоровна, – мне нужно вас послушать.

Я покорно выполнила ее распоряжение. Доктор приложила к моей груди фонендоскоп, и тут Фира, до сей поры спавшая под подушкой, начала громко выводить:

– Хр-хр-хр-р-р... хр-хр-хр...

На лице врача отразилась тревога. Надо сказать, Фируша у нас мастер художественного храпа, ее рулады поражают могучей окраской звука и разнообразием мелодий.

– Фр-р-кхе-кхе, ш-ш-ш, – сменила пластинку мопсика, – уф, ух, уш, р-р-р-р.

Наталья Федоровна уронила фонендоскоп.

Я топнула локтем подушку, под которой с комфортом устроилась собака, и улыбнулась:

– Что-то не так?

– Все чудесно, – пробормотала кардиолог. – Ну-ка, еще разочек! Дышите... не дышите...

Я набрала полную грудь воздуха.

– Х-х-х, ш-ш-ш, кха-кха-кха, и... и... и... а... а... кха-кха, – выдала Фира.

– Лежите, не шевелитесь, – испуганно велела врач и унеслась.

Я схватила телефон и отправила Кате эсэмэску. Спустя пару мгновений в палату вошла подруга.

– Ну, что сказали врачи?

Я вытащила из-под подушки Фиру, которая, даже не открыв глаз, продолжала сладко спать.

– Фирундель идеально воспроизвела бронхиальный спазм, доктор умчалась в ужасе. Думаю, сейчас она вернется и притащит гору шприцев. Убери мопсика.

Катя вынула из кармана телефон, быстро понажимала на экран и велела сыну:

– Кирюша, принеси саквояж... Ну так достань ее! Хорошо, тащи вместе с Мусей...

– Можешь назвать столицу государства Тувалу? – спросила я у подруги.

– Есть такое? – удивилась Катюша.

Я обрадовалась и встала. Значит, нас уже двое. Всегда приятно знать, что ты не самая глупая в семье.

Дверь начала открываться.

– Кирюша! Наконец-то! Сколько можно тащиться из холла в палату? – укорила парня Катя.

Створка распахнулась полностью, и я увидела незнакомого доктора в сопровождении кардиолога Натальи Федоровны. Катя, державшая на руках сопящую Фиру, быстро запихнула ее под свой трикотажный пуловер и миг превратилась в беременную даму, месяце этак на девятом.

– Где больная? – сурово осведомился муж-чина.

Я помахала ему рукой:

– Тут.

– Можете стоять? – спросил эскулап.

Напрашивался ответ: «Вы же видите», но я сказала:

– Совершенно спокойно.

– Почему в палате посторонние? – помрачнел медик.

– Я хирург, – ответила Катя.

– И что у больной сломано? – уточнил доктор. – Рука? Нога?

– Не травматолог, – пустилась в объяснения подруга, – я эндокринолог. И...

Но дядька не дал Катюше договорить.

– Только проблем со щитовидкой нам здесь не хватает. Почему вы стоите?

Я поняла, что вопрос адресован мне.

– А надо сидеть?

– Лежать, – отрезал врач, – молча и тихо. Понимаете, в каком вы состоянии?

– Ну, я пошла, – пробормотала Катя и стала бочком двигаться к выходу из палаты, придерживая рукой живот.

– Вам, наверное, трудно работать на таком сроке, – проявила женскую солидарность кардиолог, – похоже, вы вот-вот родите. На мой взгляд, прямо сегодня ночью.

– М-м-м, – пробормотала Катюша, – всякое может случиться.

– Нет уж, останьтесь! – рявкнул мужчина. – Раз пришли, нечего удирать.

– Павел Семенович... – робко начала Наталья Федоровна.

– Ну? – голосом, не предвещающим ничего хорошего, протянул дядька.

– Павел Семенович, – испуганно повторила кардиолог.

– Я уже пятьдесят лет Павел Семенович. Что вы хотите?

Наталья Федоровна испуганно замолчала, я села на кровать. Доктор снял с шеи фонендоскоп и стал прикладывать его к моей груди.

– Не слышу проблем, – сказал он через пару минут.

– Хрипы, kloкотание, – перечислила Наталья Федоровна.

– Ничего похожего, – отрезал врач.

– Но только что... – залепетала кардиолог, – прямо в уши било.

– Не знаю, кто вас по ушам колошматил, но эта женщина здоровее бегемота, – заявил эскулап.

И тут Фира, согрешая под пуловером Кати, громко пукнула. По палате пополз соответственный запах.

– Э... э... э... – забормотала моя подруга, – это совсем не то, что вы подумали... вообще не оно...

– Беременная женщина часто выпускает газы, это естественно, – изрек Павел Семенович и живо ушел из палаты.

Лицо Кати стало свекольного цвета.

– Нет! Я... не...

Фира пукнула еще раз.

– Не смущайтесь, дорогая, – приободрила Катюшу Наталья Федоровна, – мы с вами медики, не такое порой слышим-видим-нюхаем.

Я изо всех сил старалась сохранить серьезный вид. А Фира в самый неподходящий момент решила проснуться – пуловер на подруге заходил ходуном. Катя схватилась за живот.

– Ой, у вас роды начинаются, – занервничала кардиолог, – надо срочно перевезти вас в специализированное отделение.

– Ерунда, это просто усиленная перистальтика, – объяснила Катя и, легкомысленно убрав одну ладонь с «брюшка», начала чесать нос.

Фира с оглушительным пуканьем упала на пол и осталась лежать – наша черная мопсика не любит лишних телодвижений. Она великолепно знает, что в случае планирования с высоты нельзя нервничать, вскакивать, вертеть хвостом. Хозяева сами наклонятся и поднимут собаку, чье жизненное кредо можно определить двумя словами: «Не суетись».

– Мама! Негритенок! – заорала Наталья Федоровна и молнией метнулась в коридор.

– Интересно, где и когда она училась, – засмеялась Катя. – Базовый курс акушерства и гинекологии обязателен для всех студентов медфака независимо от дальнейшей специализации. Наталья Федоровна не знает о том, что процесс родов долгий, за одну секунду младенец не появится? Она не заметила, что «новорожденный» покрыт черной шерстью, не обратила внимания на наличие у него хвоста. Очень странная женщина. Цеховая солидарность не позволяет мне осуждать коллегу, но, согласись, кардиолог... э... как бы это помягче выразиться... Ну, даже не знаю, как реагировать на ее поведение. Я впервые такую специалистку вижу. Может, она просто глупо пошутила?

Глава 3

В палату вошел Кирюша.

– Ты как раз вовремя, – обрадовалась Катя, запихивая сопящую Фиру в сумку. – Лампа, поздравь меня со счастливым разрешением от бремени. Ну, мы помчались. Надеюсь, Валера знает, какой у него странный кардиолог. Владелец этой клиники профессор Милов, мой бывший однокурсник...

– Можешь не повторять, – остановила я Катюшу, – отлично помню, что ты недавно говорила. Валерию принадлежит этот медцентр.

– Я это уже сообщила? – изумилась подруга.

– И кто из нас головой о пол треснулся? – захихикала я. – Чудесно знаю Милова, он всегда на твоих днях рождения поет и пляшет.

– Действительно, – пробормотала Катя. – Все, смываемся. Приду завтра вечером. Хотя нет, не смогу. Лиза притащит еду.

– Не надо, – засопротивлялась я, – того, что сегодня принесли, хватит на неделю для роты молодых голодных десантников.

– В ВДВ старые не служат, – резонно заметил Кирюша.

– Ой, чуть не забыла! – спохватилась подруга. – С Максом связаться не удалось. У него мобильный не отвечает.

– Оно и понятно, – кивнула я. – Наш клиент занимается овцеводством, его ферма расположена в глухом районе, где ни Интернета, ни мобильной связи нет. Макс предполагает провести там около недели, потом вернется к очагам цивилизации. Вообще-то до Австралии лететь сутки, Макс еще в самолете. Очень хорошо, что ему о моем падении неизвестно, а то он бы сразу назад отправился. Я же прекрасно себя чувствую, так что не надо ко мне таскаться. Дайте отдохнуть от вас.

– Ладно, – согласилась Катя. – Буду на связи с Миловым, все новости узнаю от него. Расслабься, не волнуйся, малышка Киса и мопсы у нас. Твоя квартира поставлена на охрану...

– И не сомневалась, что ты не бросишь ни девочку, ни собак, – улыбнулась я.

– Вещи в шкафу, – договорилась подруга, – я прихватила все необходимое. Ой, чуть не забыла, я же записала тебя на экскурсию!

– Куда? – удивилась я.

– У клиники интересная история, – затараторила Катя, – при ней разбит огромный парк. Чтобы больные не скучали, для них организуют походы по саду, рассказывают об архитектуре здания. Стоит прогулка недорого, рассчитана на два часа. После полудня за тобой зайдут.

Мне совсем не хотелось бродить с группой незнакомцев, слушая всякую ерунду, поэтому я соврала:

– Голова болит, слабость сильная, подташнивает.

– Да? Сейчас же позову врача. Надо перевести тебя в реанимацию, поставить капельницу! – воскликнула Катя.

– Ой, нет, уже все прошло, – дала я задний ход. – Слушай, разве можно человеку с сотрясением мозга много ходить?

– Ты же себя вполне прилично чувствуешь, – вздохнула Катюша. – А насчет ходить... Нынче инфарктников на вторые сутки поднимают и на прогулку отправляют. Движение – жизнь. Тот, кто долго лежит в постели, рискует своим здоровьем. Не ленись, экскурсия тебе понравится.

Поцеловав меня, Катя и Кирюша ушли.

Потом на секунду в палату со словами «До свидания, люблю тебя!» заглянула Лиза.

Наконец-то я осталась одна. Полежав минут пять, я встала, открыла гардероб, порылась в саквояже, вытащила айпад и снова залезла в кровать. Конечно, не очень приятно свалиться с лестницы, тукнуться маковкой о паркет и заработать сотрясение мозга. Но у всякой неприятности есть бонус: я сейчас могу спокойно поиграть в бродилку.

Честно признаюсь: люблю электронные игры. Если кто-то заглянет в мой планшетник, то подумает, что гаджет принадлежит подростку, а не взрослой женщине. Я купила все выпуски птичек, крокодильчика, собрала множество квестов. Но времени предаваться любимому занятию нет, я могу выделить на игру не более пятнадцати минут перед сном, и то меня постоянно отвлекает Макс, которому именно в тот момент, когда я пытаюсь вылезти из замка вампира, приспичивает поговорить со мной на какую-нибудь животрепещущую тему. Например, выяснить, почему у него в гардеробной каждая пара носков состоит из трех штук. Будь там один, я бы поняла озабоченность мужа – одна ступня в носке, а вторая голая, это неудобно. А три? Обе ноги в тепле, и есть носочек про запас. В чем проблема?

Я ткнула пальцем в экран, появилось изображение сундука. Как его открыть? Надо найти ключ! Невропатолог запретил мне работать на компьютере. Но я же не работаю, а развлекаюсь, и у меня не ноутбук, а планшетник. Ага, вот и ключ, он висит на дереве. Я обрадовалась... И тут в палату вошли две тетки, одна из них катила инвалидное кресло.

– Где ребенок? – забыв поздороваться и представиться, поинтересовалась та, что шагала впереди.

– Здесь нет детей, – пробормотала я.

– Негритенок, – уточнила более молодая, – новорожденный.

– Вы из родильного отделения? – осенило меня. – Здравсти.

– Перевозка рожениц и младенцев, – буркнула вторая. – Садитесь, мамаша.

Я отложила айпад и лихо соврала:

– Женщина и малыш ушли. У меня сотрясение мозга, я вам не нужна.

Незваные гости стали хором возмущаться:

– Во дает!

– Совсем головы нет!

– Родила и удрала!

– Ну и бабы нынче пошли!

Продолжая ругать непутевую мать, тетки, не попрощавшись, ушли.

Я хихикнула и опять уткнулась в планшетник. По экрану бегал злобный енот, с его клыков капала кровь... Следовало остановить этого вампира, я начала пулять в монстра шариками из ружья.

Спустя некоторое время я услышала тихие шаги, подняла голову и онемела. В комнате стоял... енот примерно моего роста. На голове у него виднелась розовая шляпка, одна лапа сжимала большую сумку, на талии был завязан клетчатый фартук.

Секунду я в оцепенении смотрела на зверя. А тот неожиданно оскалился, обнажились крепкие белые зубы... Как бы вы поступили, нежданно-негаданно обнаружив рядом с собой ожившее чудище из компьютерной игры?

Я скатилась с матраса и забилась под кровать. Но тут же поняла, что поступила глупо: следовало вызвать медсестру, кричать, звать на помощь, а я молча спряталась в самом неподходящем месте.

В палате слышались разные звуки: шорох, топот, стук, покашливание. Край свисающего одеяла начал медленно подниматься.

– А-а-а-а! – завопила я. – Помогите!

– Эй, ты чего? – спросил знакомый голос.

Под кровать заглянул человек. Я выдохнула: это не енот, а Володя Костин, мой старинный друг, бывший полицейский, а теперь заведующий следственной частью нашей с Максом фирмы.

– Кого ты испугалась? – недоумевал он.

– Енота, – призналась я.

– Енота? – переспросил Володя. – Они живут в лесу. Извини, если разочаровал тебя, но по Москве такие зверушки не разгуливают. И уж совсем точно еноты не бегают по больницам. Вылезай.

Я выползла из-под кровати.

– Видела его, как тебя. На нем была розовая шляпка, фартук, в лапе он держал вместительный ридикуль.

– Ага, – протянул Костин, – модный весь такой.

– Судя по наряду, это была девочка, – заметила я.

– Здорово! – весело воскликнул приятель. – У тебя голова не болит?

О чем думает Вовка, мне стало понятно сразу.

– Никаких психических сдвигов у меня нет!

– Конечно, – кивнул Костин.

– Я рухнула с лестницы. Стукнулась головой.

– Упала, потеряла сознание, очнулась – гипс, – пробормотал Костин. – Не волнуйся, все наладится.

– Я прекрасно себя чувствую! – разозлилась я.

– Ни секунды не сомневаюсь в этом, – слишком покладисто произнес Вовка и взял мой айпад. – Что читаешь?

– В бродилку играю, – призналась я, – «Енот-вампира» называется.

– А-а-а, – протянул Костин.

Я ощутила себя полной дурой, но не сдавалась:

– Енот сюда заходил!

– В шляпе, фартуке и с сумкой, – кивнул Вовка.

– Да!

– А ты его испугалась, залезла под кровать...

– Струсил, – призналась я. – Он такие зубищи оскалил!

Дверь открылась, в палату снова без стука бесцеремонно ввалились тетки с инвалидным креслом.

– Как тебе не стыдно! – сказала одна. – Мы проверили, наш вызов оформлен в седьмую палату.

– Где младенец? – налетела на меня вторая.

– Негритенок, – добавила первая. – Куда ты его затырила, а? В шкаф запихнула?

– Это кто? – ошалело спросил Костин.

Я округлила глаза.

– Вова, они уверены, что я произвела на свет чернокожего ребенка. И хотят забрать нас с ним в медцентр.

– Здешние условия не предназначены для мамочки с дитем, – уже мирным тоном пояснила первая тетка. – А вы, понятное дело, папочка?

Я не выдержала и расхохоталась.

– Нет, конечно, – ответил Костин. – Если ребенок негр, то как у него могут быть родители европейцы?

– Гримаса генетики, – нашла ответ другая тетюшка. – Нам все равно, кто какого цвета и почему, наше дело мамашу с младенцем в специальное отделение доставить.

Костин посмотрел на меня:

- Это тоже больные? Они с лестницы упали?
- Сам ты со ступенек навернулся! – обиделась женщина с инвалидным креслом.
- В палату вошла кардиолог.
- О, – обрадовалась я, – вот и доктор, которая, похоже, перевозку вызвала!
- Вы кто? – спросила Наталья Федоровна у женщин.
- За роженицей прибыли, а она в отказ ушла, – заявила первая медсестра.
- И негритенка своего спрятала, – возмутилась вторая.
- Здесь лежит больная с сотрясением мозга, – объяснила врач, – родила другая. Где ваша подруга, Лампа?
- Уехала, – безмятежно пояснила я, – вместе с ребенком.
- Раз покинула территорию отделения, я за нее не отвечаю, – обрадовалась кардиолог.
- Женщина, вы чего нам тогда голову дурили? – налетела на меня пожилая медсестра. – Кучу времени потеряли зря!
- Я сразу сказала, что в палате нет младенца, – напомнила я.
- Неубедительно сказали, – зашипела тетушка с инвалидной коляской, – мы решили, что вы врете.
- Костин вытащил удостоверение и помахал им в воздухе:
- Гражданки, полиция! Здесь проводится допрос важного свидетеля. Ступайте в коридор и там выясните, кто, кого, зачем, куда, почему и с какой целью позвал.
- Кардиолог и обе тетушки ойкнули и исчезли.
- Хорошо, что никто из них не попросил раскрыть «корочки», – улыбнулась я, – иначе бы прочитали, что ты из частной структуры, и не отстали б от меня, пока я им младенца не отдам.
- Володя махнул рукой.
- Сама знаешь, никто ксиву внимательно не изучает.
- Зачем ты приехал? – спросила я в лоб.
- Ну и вопрос! – удивился Вовка. – Тебя проведать.
- И все?
- Да, – слишком быстро ответил Костин.
- Неправда, – усмехнулась я, – говори, в чем дело.
- Тебе надо подлечиться, – занудил Вовка, – отдохнуть, подождать, пока еноты чудиться перестанут.
- Я дернула его за рукав.
- Енот был в палате, но спорить более на эту тему я не хочу. Немедленно рассказывай, что случилось.

Глава 4

Костин поерзал на табурете.

– Вчера поздно вечером пришел клиент, зовут его Михаил Николаевич Брунов, он рассказал такую историю...

Его мать Галина Максимовна лежала как раз в этой больнице – она сломала ногу. Не шейку бедра, просто лодыжку. Неприятно, но не смертельно. Вполне разумная женщина шестидесяти пяти лет без особых проблем со здоровьем, Галина Максимовна посещала спортзал, занималась йогой, практиковала правильное питание. Она никогда не была религиозной. В доме у Бруновых нет ни одной иконы, Библии и других божественных книг тоже нет, в церковь ни мать, ни сын не заглядывали.

И вдруг!

Приходит Михаил утром к мамаше с кефиром, а та ему говорит:

– Сынок, приведи ко мне батюшку.

Брунов сначала не понял, о чем речь, решил, что мать об его отце вспомнила, и очень удивился:

– Так он двадцать лет назад к другой бабе ушел, ты даже имени его слышать до сих пор не желала.

А Галина Максимовна в ответ:

– За каким чертом мне этот идиот? Хочу видеть священника.

Михаил и вовсе изумился:

– Ты же неверующая.

Мать разозлилась:

– Приведи батюшку из церкви при клинике, я креститься хочу.

Сын подумал, что у нее от лекарств поехала крыша, поэтому спорить не стал.

Местный священник пришел к пациентке и поговорил с ней. Через десять дней Галина Максимовна умерла. Причем до этого ее состояние у медиков никаких опасений не вызывало. У нее оторвался тромб...

– Печально, – вздохнула я, – однако такое случается.

– Слушай дальше, – попросил Володя.

Брунов похоронил мать без отпевания. Ему, атеисту, не воцерковленному человеку, не пришло в голову провести обряд. Спустя дней десять после ухода матери Михаил вечером, сидя у телевизора, переключал каналы и случайно наткнулся на интервью с каким-то священником. Тот подробно рассказывал, как надо поминать умерших, объяснял, почему это необходимо делать. Спокойная рассудительная речь пожилого священника произвела впечатление, и Брунов подумал: «А вдруг на небе кто-то есть?» На следующий день он пошел в ближайшую церковь поинтересоваться, можно ли отпеть мать после похорон.

В храме тогда находилась только старушка с веником, она в ответ на его вопрос спросила:

– Матушка-то крещеная была?

Сын растерялся.

– В больницу к ней приходил священник, мама вроде собиралась надеть крестик, но я точно не знаю.

– Вы сначала у того батюшки спросите, было ли крещение, – посоветовала бабка, – а потом возвращайтесь к нам.

Михаил Николаевич отправился в клинику и нашел настоятеля тамошней церквушки.

– Помню вашу матушку, – сказал тот, – но я не проводил обряд крещения, поскольку она об этом не просила.

– Неужели? – удивился сын. – Мне мама так и сказала: «Приведи батюшку из больничной церкви, я креститься хочу».

– Возможно, вы не совсем правильно поняли ее слова, – вздохнул священник, – мы с вашей матушкой просто поговорили. Поскольку это не исповедь была, могу вам содержание беседы передать. Галина Максимовна рассказала, что ночью к ней в палату вошла ее бабушка Евдокия.

– Кто? – поразился Михаил. – Вся мамина родня давно на кладбище: ее мать с отцом – Анна и Максим, а также бабка, которую звали Елизаветой. Ни о какой Евдокии я никогда не слышал.

Собеседник, облаченный в рясу, сложил руки на животе и продолжил:

– Галина Максимовна спала, но вдруг проснулась от шепота: «Галочка, внученька...» Открыв глаза, ваша матушка бросила взгляд на будильник на тумбочке – у него цифры и стрелки в темноте хорошо видны, – времени было два ночи. А затем рядом с кроватью она увидела женщину, одетую как монахиня, на груди у нее висел крест.

Галина Максимовна испугалась, хотела позвать медсестру, но монашка ей ласково сказала: «Не бойся, дурного тебе не сделаю. Я твоя пра-прапрабабушка, жила в шестнадцатом веке при монастыре. Обитель находилась в лесу, на нас напали татаро-монголы, всех убили. Мне было всего шестнадцать лет, я была невинной девушкой, и за мученическую смерть Господь разрешил мне стать ангелом-хранителем своих потомков. Внученька, ты должна покреститься, потому что за тобой на следующей неделе смерть придет. Иначе ты попадешь в ад, а там! Смотри...»

Володя взял со столика бутылку воды, открыл ее и начал пить.

– Странная, однако, история, – пробормотала я. – Пожилая женщина, которую в клинике накачали обезболивающими, увидела сон. Ведь понятно же, что никакая «прапра...бабушка» к ней в палату на самом деле не приходила, это невозможно. И «монахиня» несла чушь. Татаро-монголы убили тех, кто жил в обители? Ерунда!

– Почему? – неожиданно заспорил Володя. – Это как раз возможно. Нравы в шестнадцатом веке были суровые, завоеватели не жалели тех, кого поработили.

Я улыбнулась.

– А в пятнадцатом веке, в тысяча четыреста восьмидесятом году, случилось так называемое стояние на реке Угре, битва между царем Иваном Третьим и ханом Орды Ахматом. Историки считают, что с победой русского государя татаро-монгольское иго закончилось.

– Ну ты даешь! – восхитился Костин. – Я тоже учил в школе всякие даты, но давно их позабыл.

– Я была маменькиной дочкой, – вздохнула я. – Меня не выпускали гулять во двор с другими детьми, я ходила везде за ручку с родителями. Если на улице дул ветер, шел дождь или снег, я сидела дома – мамуля очень боялась, что ребенок заболеет. Компьютеров в то время не было, по телику шли какие-то нудные программы, по радио пели бодрые песни и рассказывали о посеве-жатве и надоях. Что мне оставалось делать? Только читать. Вот я и ползала по книжным полкам, отец собрал великолепную библиотеку. Но не о моем детстве речь. «Монашка» напутала: либо обитель разрушили не татаро-монголы, либо разгром случился не в шестнадцатом веке. И меня смущает сообщение о невинности Евдокии.

– В прежние века вступать в добрачную связь считалось постыдным делом, таких грешниц камнями забивали, – авторитетно заявил Костин.

– Может, и так, – согласилась я, – но если у Евдокии не было мужчины, значит, и детей быть не могло. И как тогда Галина Максимовна могла стать ее внучкой?

Вовка открыл рот.

– Я идиот! Почему не заметил элементарной нестыковки?

– Не стоит себя ругать. Почему сразу идиот? Просто дурачок, – хихикнула я. – Однако забавный сон привиделся матери Брунова.

Костин встал и бросил пустую бутылку из-под воды в мусорную корзину.

– Михаил историю плохо знает, а про то, что у невинной монашки детей не было, как и я, не подумал. Он тоже решил: матери приснился кошмар, а священник продолжал рассказ. Евдокия пообещала Бруновой скорую смерть, сказала, что некрещеная женщина попадет напрямик в ад, где будет терпеть бесконечные муки, и показала ей картину преисподней. У «монашки» была с собой икона, которая засветилась, и больная, увидев, что творится в аду, испытала сильный испуг. Прапра...бабушка ее успокоила: «Можно избежать ужаса. Для этого надо покреститься в церкви Святого гонимого Валерия и отписать ему все свое имущество». Наутро Брунова отправила сына к батюшке из больничной церкви. Когда тот пришел, Галина Максимовна попросила его дать ей адрес той самой церкви. Священник ответил, что такого прихода в Москве нет, посоветовал почитать Закон Божий, другие книги и ушел.

– Галина Максимовна вовсе не намеревалась пройти обряд крещения, а пыталась отыскать каких-то сектантов, – сказала я. – Сын неправильно понял мать, когда та заговорила о своем желании.

– Ну да, – согласился Костин.

– Отлично! – воскликнула я. – Похоже, вовсе не сон Галине Максимовне привиделся.

– Точно, – кивнул Володя, – кто-то на самом деле входил в ее палату. Но Брунов, поговорив с матерью, уехал домой и решил, что та слегка тронулась умом. Вскоре она скончалась, сын, погоревав после похорон, жил дальше. Через полгода, когда следовало вступить в права наследства и оформить материнскую квартиру на себя, Михаил отдал нужные бумаги адвокату, и... через несколько дней ему кирпичом на голову упало невероятное известие. Оказалось, что просторные четырехкомнатные хоромы, дача Галины Максимовны и все остальное имущество было ею подарено некоему Самсонову Леониду Петровичу, гражданину России, проживающему в Нью-Йорке. Михаил Николаевич устроил разбирательство и выяснил, что мать составила дарственную. Брунову показали ее копию, и у него не возникло сомнений: документ был подписан самой Галиной Максимовной, там же имелись данные ее паспорта. Дарственную составили за день до ее смерти.

– Ну и ну, – протянула я.

– Дальше – больше, – продолжал Костин. – Брунов-то не сомневался, что апартаменты будут его, и ждал, пока истекут шесть месяцев.

– Странно, что он не забеспокоился раньше, – перебив друга, удивилась я.

Вовка подошел к холодильнику.

– А чего ему было дергаться? Братьев-сестер у него нет, он единственный ребенок у матери. Галина Максимовна тоже была одна дочь у родителей, тетей-дядей и прочей родни у Михаила нет. Смысл нервничать? Миша с супругой и дочкой жили в небольшой двушке, а мать наслаждалась жизнью в четырехкомнатной квартире. Она неоднократно говорила сыну и невестке: «Купила вам на свадьбу отдельное жилье, потратила все накопления, больше ничего не просите. Когда лягу в могилу, сыну мои апартаменты достанутся, все его будет, а пока вам и в своей норке хорошо». Михаил был настолько уверен в получении наследства, что начал копить деньги на ремонт четырехкомнатных апартаментов.

– Интересная история, – протянула я.

– Погоди, это еще не все, – остановил меня Костин. – Выяснилось, что Леонид Самсонов переадресовал подарок Бруновой другому человеку, Злотниковой Елене, та тоже русская американка. А уж у нее квартиру приобрела фирма «Медветлабпет», которая принадлежит богатому бизнесмену Павлу Петухову. К нему претензий никаких нет, он честно недвижимость купил. Собирался селить там партнеров из провинции, которые регулярно наезжают в Москву.

Гостиницу им снимать ему показалось накладно. Так многие фирмы поступают – покупают жилье для временного проживания командированных. Ну, твое мнение обо всем услышанном?

Глава 5

Я села и подсунула под спину подушку.

– Полагаю, мы с тобой совпадем в оценке произошедшего. Американец Самсонов связан с мошенниками, Злотникова Елена тоже одна из них. Павел Петухов, вероятно, замешан в этой истории случайно. В больнице есть человек, который работает на аферистов. «Монахиня» не могла попасть ночью в палату без помощи кого-то из сотрудников. Ведь Брунова как-то связалась с мошенниками. Да, да, в медцентре точно работает темная личность. Между прочим, акт дарения подписывают в присутствии нотариуса, наверное, он тоже из этой шайки.

– Как раз тут все чисто, – перебил меня Вовка, – я в пять минут выяснил, что за юрист выезжал в клинику. Это была Екатерина Михайловна Авина, которая рассказала, что вызов оформил и оплатил Михаил Николаевич Брунов, сын Галины Максимовны. Нотариус описала клиента – приятный худощавый мужчина, брюнет, невысокого роста, с бородой, в очках. Но! Настоящий-то Михаил полный лысый дядька, растительности на лице у него нет, и со зрением все в порядке.

– Ай да нотариус! Почему же она не проверила документы мужика? – рассердилась я.

– Зачем? – пожал плечами Володя. – У тех, кто оформляет выезд юриста в клинику или на дом, паспорт не требуют. Просто просят оплатить услугу вперед, дабы избежать проблем с глупыми весельчаками. Есть же идиоты, которые зря вызывают «Скорую», полицию, пожарных, с нотариусами так же «шутят». Брунов отдал всю сумму, сообщил паспортные данные матери. На следующий день шофер привез Екатерину Михайловну в больницу, она в палате все оформила, вот у Галины Максимовны паспорт она внимательно изучила. А мне сказала, что больная радовалась: «Вот какая я молодец! Паспорт с собой прихватила и домой его после оформления в клинику не отправила. Прямо почуяла: понадобится он мне». Во время составления дарственной в палате находилась помощница Авиной, она подтверждает слова начальницы.

– И ее не удивило, что нотариуса приглашал и его услуги оплачивал сын, а квартиру дарительница отдала другому человеку?

Костин вытащил из холодильника глазированный сырок.

– Можно съесть? Очень проголодался.

– Лопай все, – милостиво разрешила я.

Володя развернул обертку.

– Я задал Авиной тот же вопрос.

– Про сырок? – осведомилась я.

Костин взглянул на меня:

– Нет. Поинтересовался, не насторожило ли Екатерину Михайловну, что хоромы получает не родственник. Она ответила, что ее, более тридцати лет работающую нотариусом, не удивит даже передача Алмазного фонда в руки Буратино, главное, чтобы деревянный мальчик с длинным носом и его благодетель имели на руках паспорта и оба подписали бланки.

– Постой! Значит, Самсонов прилетал в Москву? – удивилась я.

– Ну да, – кивнул Костин. – А что, не так уж и далеко от нас до Нью-Йорка, часов одиннадцать лету. Оперативно работают.

– По-моему, этот Самсонов на самом деле живет в России, – покачала я головой, – ты бы проверил данные у пограничников.

– Уже сделано, – кивнул Костин. – Будешь сильно разочарована. Леонид Самсонов является владельцем магазина эксклюзивных подарков, он регулярно прикатывает в Москву из США, скупает у разных мастеров авторские поделки: валяных из шерсти зверушек, вышивку, кружевные платки, украшения. По мне – это дрянь редкостная, но в Нью-Йорке такая чепуха

людям нравится. На период подписания договора дарения Самсонов как раз находился в столице России. В общем, все чин-чинарем: предъявил действующий российский паспорт, получил жилплощадь и улетел. То, что потом он хатку Злотниковой передарил, зафиксировал уже американский юрист – Елена-то в США живет. Одним словом, ни к чему нельзя подкопаться.

Я вскочила с кровати.

– Надо найти того, кто организовал явление невинноубиенной монашки. Михаил может назвать дату, когда его мать беседовала с жертвой татаро-монгольского ига?

– Да, двадцать пятое января, Татьянин день, – кивнул Володя. – А умерла она третьего февраля.

– Значит, вступить в права наследства Брунов мог третьего августа, – быстро посчитала я. – Хм, а сегодня у нас восемнадцатое сентября. Почему Михаил сразу к тебе не пришел?

– Он сначала в полицию обратился. И там его послали куда подальше – криминала не увидели, – пояснил Костин. – Церкви Святого гонимого Валерия нет, то есть официально она не существует, где шаманит, в бубен бьет, неизвестно.

– Ты сам бывший полицейский и знаешь, как твои коллеги «любят» по остывшему следу рысать. Они просто решили не братья за явный висяк, – резюмировала я. – Мошенничество совершено полгода назад, а Брунов только сейчас о нем узнал.

– Потом Михаил обратился к частному детективу. К нам он пошел...

– Можешь не продолжать, – вздохнула я, – понимаю, почему он сразу не стал с фирмой Макса связываться. Нам деньги платить надо, вот Брунов и подумал: сыщик-одиночка ему дешевле обойдется. Да только зря отдал доллары, взамен ничего не получил.

– Евро, – поправил Костин. – Через неделю ему представили сведения, которые ценности не имеют. Жертве мошенников рассказали о Павле Петухове и его фирме, кто до бизнесмена жильем владел, не выяснили. Сведения явно взяли из Интернета. А я дальше по цепочке пошел, про Самсонова и Злотникову информацию раздобыл.

Я включила чайник и полезла в коробку с пакетиками.

– Завтра узнаю, кто из врачей и медсестер дежурил в ту ночь, когда появилась лжемонашка. Выясню имя, а вечером, когда все уйдут, поболтаю с девушкой на посту. Доктор, который должен в ночное время находиться в отделении, как правило, отправляется спать в ординаторскую, приказав среднему персоналу не смыкать глаз и разбудить его, если кому-то станет плохо. Сестричка тоже хочет придавить подушку, но у нее вздремнуть не получается, вот и мается несчастная, то книжку читает, то в ноутбуке пороется. Завтра принеси мне коробочку красной икры, но развесной малосолевой, в жестяной банке не бери, ее нельзя попробовать, может дрянь попасться. А еще колбаски дорогой, сыру хорошего, батон белого хлеба, пачку сливочного масла.

– До того, как с лестницы навернуться, ты придерживалась здорового питания – каши, овощи, сухофрукты, орехи, белое мясо индюшки, а тут вдруг такое чревоугодие, – удивился приятель.

– Деликатесы не мне, а медсестре, – пояснила я.

– Может, лучше тортик? – заспорил Вова. – Конфеты, шоколадка...

– Забыл, что Катерина хирург? – засмеялась я. – Она частенько говорит: «Меня от сладкого, которое больные притаскивают, тошнит. Ну почему все тащат докторам бисквиты с безумными кремowymi розами? В ординаторской их каждый день по пять-шесть штук стоит. Люди хотят, чтобы я скончалась от диабета? Или лопнула от жира? Отчего никто не угостит врача хорошей колбаской, икоркой, дорогим сыром? Я бы очень такому обрадовалась».

– Понял, – сказал Костин. – Постарайся раздобыть побольше информации. Ну, я поехал по делам – работы в последние дни невпроворот. Не вовремя ты с лестницы спланировала, без тебя я как без рук.

– Долго болеть ты мне не дал, – усмехнулась я, – даже в больнице работенку нашел.

– Это случайно получилось, – начал оправдываться Костин, – если бы Галина Максимовна не в этой же клинике лечилась...

– Прикупи еще и пирожных, – перебила я, – но только не в супермаркете, в кондитерской «Чай и булочка».

– А говорила, что у врачей от сладкого диабет начинается, – напомнил приятель.

– Я подумала, вдруг медсестра икру не любит? – вздохнула я. – Купи штук десять, разных.

– Она же лопнет! У нее живот заболит! Разве можно столько эклеров зараз сожрать? – усомнился Костин.

Я погрозила ему пальцем.

– Разве я говорила про трубочки из заварного теста? Сказала же, разные – корзиночка, наполеон, шоколадный мусс... И я тоже угощусь.

– Ясно, – пробубнил Костин. – Хорошего тебе дня. И приятного аппетита.

Глава 6

В десять утра мне принесли коробку с завтраком. Я открыла крышку и увидела еду, похожую на ту, что подают в самолетах пассажирам экономкласса: пара столовых ложек мюсли, небольшая «ванночка» со сливками, клубничный йогурт, банан, пачка крекеров, пакетики с чаем и кофе, крохотная порция джема, два куска белого хлеба и кусочек сливочного масла размером с фалангу моего большого пальца. Одноразовый стаканчик, ложка, нож, салфетки и сахар в пакетиках шли в комплекте.

Я с тоской посмотрела на харчи. Мюсли, которые Макс называет «сухим кормом для человека», я на дух не переношу, сливки не употребляю, меня с детства от них тошнит. Йогурт – это совсем неплохо, но на крышке написано «0 %, клубничный». А мне отлично известно, что, освободив продукт от жира, производитель от всей души сдабривает его сахаром, иначе никто не станет покупать безвкусную массу. Ну-ка, сколько тут песочку? Ого! Двадцать восемь граммов! Чуть больше пяти чайных ложек на стаканчик в сто пятьдесят граммов. И натуральную клубнику в кисломолочный продукт не порежут, там плавают кусочки не пойми чего.

Кстати, вот указан состав: «молоко, сухое молоко, растительные жиры!» О! Что? Очень интересно. Йогурты не растут на деревьях и не падают с кустарников, растительных жиров в них не должно быть. И что за жиры? Подсолнечное масло? Рапсовое? Пальмовое? Уточните, пожалуйста. Я продолжала изучать состав: соевый белок, сахар, ароматизатор «Клубничный», идентичный натуральному, клубника 0,000001 процента, загуститель... Плюс еще пять всяких Е. Съешь такой молочно-растительно-химический продукт, и к обеду у тебя хвост отрастет.

Сливочное масло, которое я принялась рассматривать потом, тоже не вызвало восторга – его обертку украшали слова «легкое, жирность 38 %». Я разозлилась. Люди, вас обманывают! Водят за нос! Масло не может быть менее семидесяти двух процентов жирности, потому что его делают из сливок! То, что я вижу сейчас, маргарин, а он вреден для здоровья!

Я закрыла коробку и направилась к холодильнику. Где мой деревенский творог, который мы уже много лет покупаем на рынке у аккуратной веселой Танюши? Вот в нем ни усилителей, ни красителей, ни загустителей, ни ароматизаторов нет. У Тани шесть коров, две руки, муж и три сына, все фермеры. Чистота у Танечки идеальная, с каждой буренкой она разговаривает и выпускает коров пастись на воле. Может, поэтому творог от Танюши неделю не киснет в холодильнике?

Хорошо, что теперь построены клиники с удобными палатами. В моей есть уголок, напоминающий кухню, он оборудован холодильником, СВЧ-печкой, кофемашиной. Вот только плиты и мойки нет. Но готовить я не собираюсь, а воду можно налить из кулера, который почему-то стоит в ванной. Если выйти из спальни, то попадешь в маленький холл, одну из стен которого закрывает плакат с изображением пожилой дамы, улыбающейся во все свои прекрасно сделанные коронки, веселая пенсионерка предлагает пить витамины. В предбаннике три двери, одна ведет в санузел, вторая в палату, третья в общий коридор. Одним словом, устроилась я с комфортом, все у меня тут под рукой. Сейчас позавтракаю и буду отдыхать.

Примерно через час в палату вошла красивая девушка в джинсах и пуловере.

– Романова? – спросила она.

– Да, – кивнула я.

– Мы вас ждем, – улыбнулась незнакомка.

Я отложила айпад.

– Кто и где предвкушает со мной встречу?

– Группа уже собралась на первом этаже у гардероба. Я Анжелика, гид. Вы записались на экскурсию. Забыли? Не переживайте, непременно вылечитесь, память вернется, – застрекотала

девушка. – Вставайте скорей, будет очень интересно. Мы посмотрим старинный роддом, крыло призраков, избушку привратника, а также больничное кладбище.

Я опешила. Посещение погоста – чудное развлечение для тех, кто ожидает операции или перенес инфаркт.

– Вам помочь? – предложила красавица.

Я встала.

– Буду готова через пять минут.

– Подожду вас, Евлампия Андреевна, – кивнула Анжелика.

Открыв шкаф и спрятавшись за створкой, я стала натягивать джинсы, одновременно говоря:

– Предпочитаю откликаться на Лампу.

– А мне больше «Лика» нравится, – сказала девушка. – Вы не только выразили желание прогуляться, но и оплатили заранее экскурсию, поэтому я и пришла в палату. Люди часто включают свою фамилию в список, а потом не являются. Я обычно подожду пять минут и увожу группу. Но если плата внесена вперед, отношение иное. Вдруг человек в маразме после лечения? Ну вот, как вы.

Я закрыла шкаф.

– Пошли.

– Вы молодец, – похвалила меня Лика, идя по коридору, – собираетесь, как десантник, за считанные секунды. Не то что некоторые, жвачки медленные. Мы сейчас находимся в отреставрированном крыле клиники. Тут, конечно, интересно, но возможности изучить помещение нет, поскольку это больница, здесь людей лечат. Осторожно, лифт приехал, входим, едем вниз...

Под неумолчную болтовню гида мы достигли первого этажа, и я увидела у гардероба группу людей.

– Теперь все в сборе! – провозгласила экскурсовод.

– Некоторые считают себя царицами, которых простые смертные смиренно ждать должны, – буркнула толстушка лет пятидесяти пяти, наряженная в розовый велюровый спортивный костюм и того же цвета кроссовки, щедро украшенные стразами.

– Уж не сердитесь на Романову, – нараспев произнесла Анжелика, – она с сотрясением мозга, вообще всю память потеряла.

– Ой, бедняжка, – пожалела меня блондиночка в джинсах и футболке. – Понимаю вас, сама после того, как во мне хирург порылся, ничего целую неделю не соображала. Я Фая. Полное мое имя Фаина, но сейчас оно не модное, папа меня в честь бабушки так окрестил, я старушкой себя из-за этого ощущаю.

– Мое имя совсем древнее – Евлампия, – улыбнулась я, – сокращенно Лампа.

– Вот не повезло вам, – заржал парень в широких брюках. – Я просто Шурик. Если хотите – Саша.

– Елена Зайчевская, – представилась дама в укороченных ярко-красных штанишках и серой рубашке. – Не являюсь пациенткой клиники, восстанавливаю силы в санаторном корпусе.

Я во все глаза уставилась на нее. Понимаю, неприлично в упор рассматривать человека, но Елена выглядела весьма экзотично. Волосы ее прикрывал темный платок, на носу сидели очки для плавания, нижняя часть лица была спрятана за маской, похожей на ту, что используют врачи.

– И я тоже из СПА-отделения, – объявила женщина в розовом костюмчике. – Представляться нет необходимости, меня, как человека из телевизора, все давно узнали. Так мы отправляемся на прогулку или будем еще одну опоздавшую королевишну два часа ждать? Что стоим? Ладно, вы тут в духоте и вони мучайтесь, а я на улицу.

Женщина «из телевизора» быстро пошла к двери. Я увидела на спине ее куртки выложенную стразами надпись «Hello Kitty» и, чтобы не расхохотаться, закашлялась.

Тетка обернулась и, показав на меня пальцем, воскликнула:

– Да она, кажется, больна!

Потом посмотрела на Фаину.

– И эта бледная, значит, тоже не здорова.

Мне удалось справиться с приступом смеха.

– Просто в горле запершило.

– Я вовсе не из инфекционного отделения, – оскорбилась Фая, – заразную на стол не положат.

– Лялечка права, поспешим на свежий воздух, – предложила Анжелика.

Мадам из телевизора сложила губы куриной попкой.

– Э... э... как вас там...

– Лица, – подсказал Саша.

– Деточка, я вам не Лялечка, меня зовут Ольга Викторовна, – ледяным тоном произнесла любительница одежды с приветствием от кошки Китти.

– Но так вас в шоу называют, – пропищала экскурсовод.

– Это работа, – отрубил Ольга Викторовна, – она не имеет отношения к моей личной жизни. Лялечка я в студии, Лялечка я для героев и гостей своей самой рейтинговой программы на мировом телевидении. Лялечка я в момент получения призов, наград, орденов, медалей, букетов, шуб, бриллиантов и других достойных меня подарков. Во всех других ситуациях – я Ольга Викторовна.

Вздернув подбородок, телезвезда выплыла из здания. Мы двинулись следом.

– Она кто? – громко спросил Саша.

– Не знаю, – ответила Фаина, – редко телик гляжу, в основном кино на компе.

– Ничего не имею против всяких шоу, – призналась я, – но больше люблю книги и игры на айпаде.

– Танчики? – обрадовался Саша. – Монстры-зомби?

– Нет, бродилки всякие, – улыбнулась я.

– Все девочки такие, – сказал парень, – хоть сто лет уже бабуле, все равно она девочка.

– На книгах пыль, от нее аллергия и астма, от компьютера и сотового телефона рак мозга, – сурово произнесла Елена, натягивая на руки перчатки.

– Ольга Викторовна ведет на канале «Бум» гастрономическое шоу «Сожри быстрее», – объяснила Лица, – там народ на скорость всякую еду лопают. Приз – миллион. Без дураков вручают, прямо в студии.

– Да ладно? – удивился Саша. – Может, мне туда сходить? Лимон не помешает.

– Там все непросто, – затараторила Анжелика. – В группу набирают десять человек, каждый вытаскивает из черного ящика карточку, на ней написано, какое блюдо тебе первым дадут. Представьте, что вам достался целый торт, а другому ма-а-аленький салатик из водорослей.

– Фу, – поморщился Саша, – это ваще гадость.

– Надо слопать целый торт? – уточнила Фая.

– Да, – подтвердила Лица. – В этом-то и фишка. Представьте, только что торт умяли, а впереди второй раунд, и вы вытащили баранью ногу.

Саша потер руки.

– Вот это по-нашему. С горчичкой самое оно.

Анжелика поправила висевшую на плече сумку.

– А вашему сопернику опять повезло – одно куриное яйцо выпало.

– Это нечестно, – возмутилась Фаина.

– Лотерея, – пожала плечами Лика, – как повернется, так и получится. Редко кто миллион забирает. Обычно к восьмому туру не больше двух человек остается.

– Сколько же их надо пройти? – вдруг заинтересовалась Елена.

– Десять, – засмеялась Лика.

– Ужасно, – заохала Зайчевская, – торт, баранья нога, яйца... Так питаться нельзя.

– Наборы у них разные, может печень оказаться, морепродукты, икра, а потом бах – молоко, за ним зеленый огурец, селедка, – вещала экскурсовод. – Или что-то экзотическое, типа тараканов в глазури.

– Фу... – передернулась Елена. – Это же какой удар по здоровью!

– Зато радость для кошелька, – заржал Саша. – Я за миллион что угодно могу сожрать.

– И собачьи какашки? – хихикнула Лика.

– В легкую, – кивнул Саша. – Ам – и нету.

– Отвратительно, – простионала Елена. – Вы пищевой монстр.

– Вау! А вы смотрите угарно, – не остался в долгу Саша. – Зачем так вырядились? Бойтесь, что изнасилуют? Не беспокойтесь. Во-первых, я тут, прогоню маньяка, во-вторых, на улице светлый день, кругом народа полно, а в-третьих, вы уже по возрасту неликвид сексуального рынка. Снимайте ерундень, а то задохнетесь.

– Молодой человек, отстаньте! – фыркнула Зайчевская.

– Неудобно, наверное, в очках для плавания, – сказала я.

– Это антиаллергический набор, я привезла его из Японии, – снизошла до объяснений Елена. – Очки и платок от пыли, бумажная маска – защита от невидимых паразитов и микробов, перчатки, чтобы на кожу чего не попало. У меня аллергия!

Анжелика подняла зонтик.

– Внимание. Мы находимся на стартовой точке. Посмотрите друг на друга и запомните лица.

– Зачем? – бодро спросил Шурик. – На вечную память?

– Не смейте шутить на тему смерти! – взвизгнула Елена. – Она услышит и заберет вас.

Шурик согнул руку в локте.

– Я боксом занимаюсь. Хотите бицепс пощупать?

– Нет, – фыркнула Зайчевская.

– Как дам старухе с косою в нос, она тут же с копыт свалится, – пообещал Саша. – Бабы, я тут у вас один мужик, всегда можете рассчитывать на мою защиту.

Анжелика открыла сумку и добыла оттуда плоские пакетики.

– Получите одноразовые отличительно-привлекательные курточки. Их необходимо надеть. Итак, начинаем, я первая...

Анжелика разорвала пакет, вытащила оттуда что-то яркое, красное, энергично встряхнула, и у нее в руках оказалась ветровка из тонкой клеенки. Лика живо нацепила ее и завертелась в разные стороны.

– Ну как? Отличная вещица! И вам она досталась даром.

Я уставилась на наряд. Спереди его украшала надпись «Осторожно на дороге», сзади были нарисованы череп, кости и красовалось сообщение «Внимание, человек на трассе».

Глава 7

– Зачем это надевать? – удивилась Фаина.

– Чтобы к нашей группе никто бесплатный не присоединился, – объяснила Лика. – Вы кровные денежки заплатили. А полно людей, которые готовы на халяву меня послушать. Увидят, что вам что-то интересное рассказывают, и примкнут без приглашения. Подумают, будто никто не заметит, как они задарма развлекаются. Разве это честно по отношению к вам, отдавшим собственные деньги? Поэтому наденьте курточки. К одинаково наряженной компании нельзя примазаться, вмиг вычислят.

Все молча надели ветровки.

– Какие вы у меня красивые... – умилилась Анжелика. – Ну, слушаем, растопырив ушки. Мы находимся в Подмосковье. Много лет тому назад, в тысяча семьсот втором году, у графа Милова, которому принадлежала куча земель под Москвой, занедужила жена Марфа. Все вроде нормально у женщины, ничего не болит, а сил, аппетита и настроения нет. Лечили бедняжку лучшие врачи тех лет, но толку было ноль, несчастная графиня продолжала чахнуть. Милов понял, что от докторов толка нет, и обратился к знахарке Авдотье. Та пообщалась с Марфой и поставила диагноз: черная тоска, горькое уныние. То есть на современном языке – депрессия.

– Это от большого количества свободного времени, – заметила Фаина. – По себе знаю: бегаешь белкой в колесе, дел невпроворот, и времени на глупые мысли об одиночестве не остается. Но если заказов нет – все, начинает в голове всякая ерунда кипеть.

– Милов решил, что надо как-то веселить супругу, – повысила голос Анжелика, – и построил для нее театр. Вон там круглое здание видите?

– Да, – хором ответили мы.

– Муж по всей России искал актеров, музыкантов, – щебетала Анжелика, – выписал из Германии доктора, который знал чудодейственную гимнастику. Не стану вас утомлять долгим рассказом, главное, что через год княгиня...

– Графиня, – поправила телезвезда, – вы так сначала называли Марфу.

Анжелика моргнула.

– И то и другое правильно. Отец ее был князем, муж графом.

– Повезло бабенке, – вздохнул Шурик. – Выздоровела она?

– Да, – кивнула Лика. – Даже родила пятнадцать детей и восемь собак.

– Круто! – захихикала Фаина. – Младенцы, понятное дело, от мужа. А псы от кого?

– Женщина не могла произвести на свет щенят, – отрезала Ольга Викторовна. – Глупое вранье, следовало придумать нечто, хоть отдаленно похожее на правду.

Личико Анжелики покрылось розовыми пятнами. Мне стало жаль приветливую девушку, скорей всего студентку, которая зарабатывает на жизнь, водя экскурсии, поэтому я сказала:

– Трудно говорить, когда тебя постоянно перебивают. Лика имела в виду, что графиня завела кучу собак.

Гид посмотрела на меня с благодарностью.

– Точно. А к Милову стали обращаться другие дворяне, у которых жены беспричинно лили слезы. К началу девятнадцатого века имение Миловых превратилось в больницу для страдающих, как тогда говорили, от «черной меланхолии». Огромное здание имело форму буквы «П». В левом крыле располагались палаты, где печаль изгоняли врачи, а в правом разместилось то, что мы сейчас именуем СПА, там недужные принимали всякие ванны, массажи, занимались танцами, рисованием, пением, разными ремеслами. Здесь по помещениям беспрепятственно ходили кошки-собаки, кроме того, были оранжерея и контактный зоопарк. Антидепрессанты в таблетках тогда еще не придумали, но в этой лечебнице успешно избавляли пациентов от

дурного настроения. Вокруг клиники образовалась деревня Захаркино, в ней жил обслуживающий персонал, врачи, медсестры. После коммунистического переворота в больнице устроили госпиталь, затем сделали центр реабилитации для членов большевистской партии, который просуществовал до начала перестройки. Бесплатные путевки сюда выдавал лучшим работникам профсоюз. Двадцать четыре дня – и человек снова огурчик. Методы психологической реабилитации использовались те же, что и при графе: бальнеолечение, физкультура, прогулки по парку, хорошее питание. В середине восьмидесятых заведение закрыли, а в девяностых усадьбу приобрел Валерий Борисович Милов.

– Родственник графа или однофамилец? – заинтересовалась я.

– Прямой потомок, – улыбнулась Анжелика. – К тому же прекрасный врач. Сейчас в Захаркине один из лучших медцентров мира. Вы помните мои слова, что здание выглядит как буква «П»? Теперь в правом флигеле находится многопрофильная клиника, а в левом отделение для тех, кто борется с депрессией, ожирением, реабилитируется после операций. Оборудованы и палаты для бесплатных больных. Валерий Борисович милосердный человек, он понимает, что у некоторых людей нет денег на лечение, и помогает малообеспеченным. Нынешний владелец восстановил больничный храм, создал музей, рассказывающий о роде дворян Миловых, первыми придумавших, как лечить «черную меланхолию». Что ж, пойдете гулять по территории. Осмотрим оранжерею, контактный зоопарк...

– Я не буду трогать грязных животных, – перебила экскурсовода Елена.

– ...Парк, фонтан, библиотеку, увидим разные здания, программа у нас насыщенная, – не обращая внимания на заявление Зайчевской, договорила Лика. – Ну, вперед!

Примерно час мы бродили по окрестностям и наконец оказались перед запертыми коваными воротами, над которыми висели две видеокамеры.

– А там что? – любопытствовал Шурик. – Вроде в глубине сада виднеется дом.

– Это бывший дворец графов Миловых, – ответила Анжелика, – сейчас частное владение, зайти туда без приглашения хозяина мы не имеем права.

– И кто у нас обладатель сей постройки? – снизошла до вопроса Ольга.

– Валерий Борисович Милов, – после короткой паузы ответила экскурсовод.

– Ну ваще! – позавидовал Саша. – Мне бы такую халабудку... Почему одним достается однокомнатная квартира на первом этаже дома, который прямо на МКАД построили, а другим дворец? Не хилое бунгало доктор себе отжал. Сколько там народа живет?

– Он женат? – задала новый вопрос дама из телевизора.

– Простите, но ни малейшими знаниями о частной жизни владельца клиники я не располагаю, – призналась Лика, – я с ним лично не знакома. Пойдемте, покажу нечто интересное.

– Шоколадно мужик устроился! – не успокаивался Шурик.

– Вон там вдаль стоит полукруглое здание. Пошли, зайдём в него, – предложила Анжелика.

– Оно такое старое, – разочарованно протянула Фаина, – просто развалюха.

– Тут все древнее, – возразила Ольга.

– Но остальное чистое, аккуратное, отремонтированное, – парировала Фая, – а это прямо фу какое.

– Вы правы, – согласилась с ней Анжелика. – Бывший роддом снаружи оставили таким, каким он был в советские времена. При графах здесь появлялись на свет незаконнорожденные дети. Аборт в царской России никто делать не брался, соблазненные незамужние девушки приезжали сюда, производили на свет малышей и потом отправлялись в монастырь замаливать грех. Крошек отдавали на воспитание в хорошие семьи. Мы сейчас зайдём внутрь. Вообще-то группы в бывший роддом пока не водят, но вы все мне так нравитесь, что я сделаю для вас исключение. У нас будет, так сказать, эксклюзивный визит. И если повезет, мы увидим призрака одной из тех мамаш. Они ведь до сих пор бродят по зданию.

Я ухмыльнулась. Ну вот, добрались и до привидений. А я-то все ждала, когда же гид сообщит о фантоме, который разгуливает по ночам по коридорам, бряцая цепями и завывая на разные голоса.

– Мне страшно... – кокетливо протянула Фаина.

Шурик приосанился.

– Я с тобой.

Девушка взяла его под руку.

– Да, так мне спокойнее. Можем идти.

– Дом крепкий, рухнуть не может, в нем сохранилась прежняя обстановка, смотрите под ноги, чтобы не споткнуться, – заботливо предупредила Анжелика, отпирая с помощью карточки электронный замок. – Обратите внимание на входную дверь, ее украшает дивная резьба.

– Посередине что-то написано, – прищурился Шурик. – По-старинному. Буквы как на иконах моей бабки.

– «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал», – продекламировала Лика. – Помните чьи это стихи?

– Пушкина, – уверенно ответил Шурик. – Он все написал, потому что Пушкин – наше все.

– Оскар Уайльд, – поправила я, – баллада Редингской тюрьмы. «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал. Один – жестокостью, другой – отравой похвал. Коварным поцелуем – трус. А смелый – наповал».

– Вау! Во дает! – восхитился Шурик. – Шпарит, как по-написанному!

– Bravo! – зааплодировала Лика. – Всегда спрашиваю у экскурсантов, кто автор, и редко слышу правильный ответ. Все называют Пушкина, которого вряд ли читали, разве что «Евгения Онегина» в школе проходили.

– Оскар... как? – спросила Фаина. – Не знаю такого.

– Я видела фильм «Портрет Дориана Грея» по его книге, – вставила Елена.

– Знаю творчество литератора наизусть, но не считаю нужным демонстрировать свою эрудицию, это неприлично, – разлилась Ольга, которой не понравилось, что не она является центром внимания.

Анжелика открыла дверь.

– Пошли.

Мы вошли в круглый холл. Гид щелкнула выключателем, под потолком вспыхнула люстра.

– О! Какая лестница! – восхитилась Елена. – Резные перила, ступеньки с орнаментом...

– Пятнадцатый век, – затараторила Анжелика, – здесь ничего никогда не реставрировалось. Сейчас дом пустует.

Я опустила глаза. Лике надо бы поработать с датами. В начале экскурсии она говорила, что Милов построил комплекс в тысяча семьсот каком-то году, а тут вспомнила о временах дедушки Ивана Грозного.

– Почему? Такое шикарное помещение! – удивилась Елена.

– У дома плохая репутация, – заговорщицки понизила голос экскурсовод. – Да, оно прекрасно, на потолке сохранилась чудесная роспись...

Все подняли головы.

– Ангелы очень смешные, – сказала Фаина.

– Тут красиво, но аура ужасная... – протянула Анжелика. – Ощущаете холод?

– А мне жарко, – возразил Шурик.

– По спине озноб прошел, – передернувшись, объявила Фая, похоже, она легковнушаема. – Прямо по позвоночнику.

– А все потому, что некоторые несчастные матери, когда у них забирали младенцев, бросались с лестницы вниз, – проухала совой Лика. И показала рукой: – Вон оттуда, с площадки второго этажа. Ее стали называть «бельэтаж Офелии» по имени первой несчастной горничной, спрыгнувшей с этого места в тысяча триста сорок пятом году.

Я, обозревая скульптуру у стены, прикусила губу. Однако Анжелика уж слишком небрежно обращается с датами и фактами. Прислуга никак не могла лишиться себя жизни в четырнадцатом столетии, до постройки здания оставалось еще много-много лет. И очень сомнительно, чтобы самоубийца откликнулась на имя Офелия, скорей уж на «Прасковья» или «Евдокия».

– Мама-а-а! – истошно заорал женский голос.

Я вздрогнула, оторвалась от созерцания мраморной статуи и поняла, что вопли издает Фаина.

– Мама-а-а-а! – визжала она. – Там... на перилах...

Я посмотрела на балкон Офелии и... увидела висевшую на перилах балюстрады женскую фигуру.

– А-а-а! – завизжала теперь и Ольга. – Там покойник!

– Спокуха, бабы, – велел Шурик, – ща гляну. Если впрямь трупешник, влипли мы с вами, полиция примотается, всю печень исключет.

Глава 8

– Не нервничайте, давайте поднимемся по лестнице и познакомимся с нашей Офелией, она вас ждет, – весело сказала Лика. – Кстати, это... Ну, посмотрите же внимательно, кто перед вами?

– Вау! Кукла! – заржал Шурик.

– Марионетка, – прошептала Елена. – Ну и шуточки у вас! Я чуть не умерла от ужаса!

– Если учесть, что в основном на эти экскурсии записываются люди, которые по разным причинам легли в больницу, то идея пугать их кажется мне странной, – не выдержала я.

– Сюда планируют перенести музей, – начала оправдываться Анжелика, – Офелию специально для него сделали. Неужели она так страшно выглядит? Кукла очень дорогая, настоящее произведение искусства.

– Жуть, – перебил Шурик, – даже я напрягся. Хотя всякое повидал, меня мертвецом из седла не вышибить.

– Офелию надо уложить на перила после того, как здание полностью отремонтируют, – посоветовала я. – Люди будут знать, что они входят в музей, и не испугаются.

– Отвратительно! – взвизгнула Ольга. – Мерзко! Гадко! Я пожалуюсь на вас!

– Простите, – пролепетала Лика, – мне и в голову не пришло, что вы так отреагируете.

Экскурсовод помолчала с минуту, пока все успокоились, и продолжила:

– На кукле удивительной работы кольцо, точная имитация родового перстня Миловых. Это работа нашего замечательного мастера Юрия Степанова. Ольга Викторовна, разрешите мне, преданной фанатке вашего шоу, подарить вам, его ведущей, эту драгоценность. Я очень виновата, что привела сюда группу, не подумав о том, как вы воспримете Офелию.

– Не ношу бижутерию, – отрезала дама из телевизора.

– Если она не хочет, отдайте мне, – оживилась Фаина, – я обожаю разные цацки.

– Почему вам? – обиделась Елена. – Здесь другие желающие есть.

– Колечко явно заразное, – вкрадчиво произнесла Фая, – может, с чумой или с холерой.

Ваша аллергия точно от него взбесится.

Зайчевская открыла рот, но не нашлась что возразить.

– Не смейте делить мое кольцо! – вскипела Ольга. – Ишь, раскаркались... Ну хватит, я хочу наверх.

– Пойдемте, – засуетилась Лика.

Мы поднялись по скрипучей лестнице.

– Шурик, можете снять куклу и посадить ее на диванчик? – попросила экскурсовод.

– Ух ты! Круто смастерили, прямо как живая! – восхитился парень, перемещая манекен на софу.

– Работа нашего лучшего художника-декоратора, – повторила Лика. – А вот и перстень.

– Ладно, возьму его, – смилостивилась Ольга, – так и быть, не стану жаловаться на вас, дуру.

– Спасибо, – обрадовалась Анжелика.

– Отличненько... – протянула Елена. – Хорошо быть скандалисткой – начнешь гавкать и, чтобы заткнулась, подарочек получишь. А я, между прочим, тоже могу вашему хозяину телегу накатать.

– И я, и я, – хором подхватили Шурик и Фаина.

Я сделала вид, что внимательно рассматриваю одежду Офелии. В незавидное положение попала студентка – напугала экскурсантов, а теперь пытается избежать жалоб в свой адрес. Сомневаюсь, что колечко на пальце экспоната сделано на заказ, иначе Лика так легко его бы не отдала, наверняка цена перстню три копейки. Да и зачем кукле дорогое кольцо? Но дама

из телевизора умолкла. Интересно, как экскурсовод будет задабривать остальных? Разденет муляж догола?

– А вам, Елена, шарфик, – пропела Анжелика, – только снимайте его сами. И другим достанутся памятные вещицы.

Зайчевская наклонилась над Офелией, развязала небольшую треугольную шаль, которая прикрывала шею «горничной», и накинула ее себе на плечи.

– Не боитесь энцефалита? – хихикнула Фаина. – Менингита, холецистита?

– Я в куртке, с защитой на лице, – парировала Елена и повернулась ко мне спиной. – Лампа, как я выгляжу?

– Отлично, – одобрила я. – Только сзади какая-то бумажка булавкой пришпилена, на ней что-то написано.

– Наверное, опять стихи, – предположила новая владелица платка, продолжая стоять ко мне спиной. – Можете прочитать?

Я подошла к Зайчевской вплотную и озвучила текст:

– «Кто наденет мой платок, умрет в течение часа, проклятие мое на нем будет вечно. Офелия». Это не Оскар Уайльд.

Елена взвизгнула и сбросила шаль.

– Опять ваши шуточки? – сдвинула брови Ольга. – Тупо, однако.

– Нет, – прошептала Анжелика, – я не знаю, кто эту дрянь прицепил.

– Я вас засужу! – впала в раж Елена. – Вы не знаете, с кем дело имеете! Да за такое... смерть мне накаркали... сволочи...

Анжелика вытянула руки и медленно пошла к Зайчевской.

– Простите, умоляю! Понятия не имела о записке! Обязательно найдем человека, который эту гадость нацарапал, и его уволят. С волчьим билетом! А вам неделю бесплатного пребывания подарим.

Елена шарахнулась от нее к балюстраде и прислонилась к ней спиной.

– Не смей ко мне приближаться!

– Пожалуйста, – ныла Лика, – не сердитесь и...

Договорить экскурсовод не успела. Деревянные столбики, на которых были закреплены перила, беззвучно рухнули вниз. Потерявшая опору Елена, пытаясь удержаться на ногах, отчаянно замахала руками. Шурик, очнувшись первым, кинулся к Зайчевской, но не успел удержать ее. Не издав ни звука, она упала следом за деревянным ограждением балкона. Через секунду внизу раздался глухой удар, затем повисла тишина.

Глава 9

В районе восьми вечера в мою палату вошли Костин и полный мужчина с нездорово красным лицом.

– Это мы, – объявил Вовка.

Я отложила айпад.

– Вижу. Здравствуйте.

– Хорошо держитесь, – пропыхтел незнакомец. – Остальные участники экскурсии в истерике, а госпожа Романова даже от успокоительного лекарства отказалась. И правильно сделала. Вам небось капельницы постоянно ставят, не стоит еще какой-то медикамент в кровь запускать. Мой приятель, опытный врач, говорит, что он может представить побочные эффекты, которые вызовет сочетание трех разных препаратов, но если человеку дадут четыре вида каких-то таблеток, угадать последствия уже сложнее, а действие пяти-шести-семи медикаментов совершенно непредсказуемо. Хорошо, что вы, находясь на месте происшествия, не упали в обморок, сохранили трезвую голову.

– Простите, вы кто? – остановила я толстяка.

– Поняев Станислав Игоревич, – представился незнакомец и без приглашения сел на мою кровать. – Мне поручено разобраться со смертью Елены Зайчевской.

Я встала из кресла, вынула из своей сумки рабочее удостоверение, показала его полицейскому и представилась:

– Евлампия Романова, совладелица частного детективного...

– Да знаю я, кто вы, – отмахнулся Станислав Игоревич. – Надеюсь, сможете внятно объяснить, что случилось, а то остальные свидетели несут чушь. Вы знали покойную? Можете объяснить, почему она так по-дурацки была одета? На лице очки для плавания, маска типа хирургической...

Я снова опустилась в кресло.

– С Зайчевской я познакомилась за пять минут до начала экскурсии.

– Чего? – не понял толстяк.

– У больницы интересная история, красивый парк, музей, – пояснила я. – Люди лечатся здесь довольно долгое время, и для их развлечения устраивают экскурсии. Вот в такой я и принимала участие. Анжелика, гид, не показалась мне компетентным человеком, она, например, на полном серьезе сообщила, что граф построил здания клиники в тысяча семьсот каком-то году, а первая горничная сбросилась с лестницы в тамошнем роддоме в тысяча триста сорок пятом. Она бы еще про татаро-монгольское иго вспомнила. Это же смешно! Неприятно иметь дело с плохо знающим историю человеком, если этот человек – экскурсовод.

– М-да... – протянул Поняев. – Вы лучше конкретно на вопросы отвечайте, про Илью Муромца не надо.

– А при чем тут Муромец? – не поняла я.

– Всем известно, что он победил монголов, – ответил Станислав Игоревич. – Татары носили железные доспехи, под ними лед от тяжести треснул, и захватчики утонули. Илья Муромец специально завел врага на озеро. Только название его из памяти моей выветрилось, Чукотское вроде.

– Может, Чудское? – подсказала я.

– Во! Точно! – обрадовался гость.

Я опустила глаза. В апреле тысяча двести сорок второго года князь Александр Невский разгромил на Чудском озере немецких рыцарей, войско Ливонского ордена. Илья Муромец там и близко на своем коне не скакал. К тому же богатырь – литературный герой, главное действующее лицо русских былин.

– Хотели дурака-полицейского на место поставить? – прищурился Поняев. – Думали, я ничего из истории не знаю? Ан нет, обломалось вам, у меня высшее образование.

– Говоря о некомпетентности, я имела в виду не вас, – возразила я, – а нашего гида Анжелику. Девушка несла бог знает что, странно, что ей доверили проводить экскурсии.

– Отвечайте по существу вопросов, – поджав губы, процедил Поняев. – Опишите кратко происшествие.

– Зайчевская упала, – сказала я.

– Откуда и куда?

– С площадки второго этажа.

– Кто ее толкнул?

– Никто.

– Тогда почему она сверзилась?

– Облокотилась спиной о балюстраду, а та рухнула, Елена потеряла равновесие и упала вслед за ограждением. Могу предположить, что дерево от старости сгнило или его жуки подпилили...

– Предполагать не ваше дело, – отрезал толстяк, – мне не интересно ваше мнение, я жду информацию. Кто спихнул Зайчевскую?

– Никто, – повторила я.

– Может, вы? – нахмурился Поняев. – Все сказали, что именно Романова стояла около Елены.

– Дама находилась на расстоянии метров пяти от меня, – спокойно пояснила я. – И зачем бы мне понадобилось толкать женщину, которую я впервые увидела незадолго до ее смерти? Что же касается странного наряда, то Зайчевская объяснила, что у нее аллергия. Она опасалась пыли. Но, думаю...

Станислав Игоревич встал и пошел к двери, недовольно пробурчав:

– Хорош профессионал-сыщик... Никто ничего дельного сказать не может. Если по существу чего вспомните, звоните.

– Номер своего телефона дайте! – крикнула я ему в спину. Но следователь уже покинул палату.

– Это что было? – налетела я на Костина.

– Не поняла? Следователь Поняев, – засмеялся приятель. – Великий, ужасный и мудрый. Судя по тому, что мужик в своем далеко не юношеском возрасте все еще капитан, начальство его не особо ценит.

– Как такой человек может работать в полиции? – не утихала я. – Понятно, почему он ничего от свидетелей не узнал – потому что людей не слушает. Ой, я не успела ему о записке сообщить.

– Что за записка? – заинтересовался Костин.

Я рассказала Володе про куклу Офелию и про бумажку, прикрепленную к ее шали.

– Странная история, – пробормотал приятель.

– Зайчевская испугалась, у нее началась истерика, – продолжала я, – она попятилась, прислонилась к балюстраде, а та обвалилась. Смахивает на несчастный случай. Тем более что здание старое, много лет не знавшее ремонта, деревянная лестница ему под стать. И психологическая обстановка была беспокойной. Телеведущая Лялечка сразу зажгла звезду, от нее исходили флюиды раздражения. Потом всех напугала кукла – уж очень натуралистично сделана. Когда я увидела марионетку, тоже на секунду подумала, что на перилах висит живая женщина. У Елены явно были какие-то проблемы с головой. Ранее я не встречала людей, которые так берегли бы себя от золотухи: очки для плавания, маска... Свою амуницию она называла «японский набор от аллергии». Судя по всему, Зайчевская была крайне мнительным человеком, и, конечно, решила, что записка адресована именно ей.

– А кому, по-твоему, предназначалось послание? – спросил Вовка. – Вдруг и впрямь Елене?

– Понятия не имею, – после небольшой паузы призналась я. – События на втором этаже разыгрывались непредсказуемо. Лика сглупила, не предупредила экскурсантов, что на перилах висит кукла, и они впали в истерику. Анжелике не повезло – обычные люди поохают-поахают, да и забудут о ерунде, а дамочка из телевизора моментально начала скандалить, обещала написать жалобу. Чтобы умаслить мегеру, девушка решила подарить ей кольцо с руки Офелии. Ольга взяла его и успокоилась. Но тут принялась качать права Елена, у которой с самого начала было не самое хорошее настроение, и ей достался платок. Если на секунду представить, будто смерть Зайчевской подстроена, то как убийца узнал, что Лика предложит шаль именно жертве? Экскурсовод могла, например, Елене отдать перстень, а шарфик всучить телезвезде третьего розлива.

Костин открыл было рот, но я, не дав ему ничего сказать, продолжала:

– Понимаю твои мысли – преступницей могла быть студентка, и это она все подстроила, сделала так, что Зайчевская стала обладательницей нужного аксессуара. Но, согласись, невозможно предвидеть возникновение скандала. Пьеса могла пойти по иному сценарию: все входят в холл, и кто-то из экскурсантов сразу кричит: «О, гляньте, манекен! Здорово сделан, издали на живую женщину похож». И все! Еще деталь. Когда люди испугались, Лика попросила Шуру снять марионетку с перил, что услужливый парень и сделал. Он схватил муляж за юбку, не опираясь на перила. Но ведь мог облокотиться, и тогда бы мы имели труп парня.

– Анжелику мы, пожалуй, исключим из списка подозреваемых, – остановил меня Вовка. – Как думаешь, почему плохо знающая историю Володина – это фамилия студентки – водит экскурсии? А?

– Понятия не имею, – развела я руками.

– А по какой причине некоторые бездарные актрисы получают главные роли в спектаклях или кинофильмах?

– Любовник Анжелики не последний человек в администрации больницы? – догадалась я. – Кто именно? Управляющий? Главный врач? Заотделением?

Глава 10

Владимир хитро усмехнулся:

– Бери выше – сам Валерий Борисович Милов, их королевское высочество, владелец заведения, окрестных земель и еще много чего. Лика не хочет, чтобы служащие знали об ее особых отношениях с хозяином, но ежа под простыней не спрячешь, и кое-кто в курсе, с кем она спит. Валерий любит молодых девушек.

Я пошла к холодильнику.

– Не оригинальное хобби, мужчины, впадающие в восторг от престарелых дам, встречаются реже. А экскурсантам Лика соврала, что не знакома с хозяином медцентра. Сделать тебе бутербродик?

– Всяко бывает, – не отвечая на вопрос, философски заметил Костин, – кое-кому курага слаще абрикоса, а финик, хоть и весь сморщенный, слаще свежего инжира. Учти, чуть подгнившая с одного бока красotka заботлива. Вот ты сейчас спросила у меня про сэндвич... И я прекрасно понимаю: у тебя грузовик жизненного опыта, ты отлично знаешь, что голодный мужик свиреп, поэтому для своего же собственного спокойствия его надо накормить, напоить...

Я швырнула в Костина коробкой плавленого сыра.

– По-твоему, я сморщенный финик? Сам себе бутер мастери! И не рассчитывай более в моем доме на обед-ужин! Никогда тебе даже чаю не налью после твоего хамского заявления, на всю жизнь его запомню!

– Злопамятность – признак старости, – ухмыльнулся Костин, ловя пластиковую упаковку. – Вот я молод, поэтому выбрасываю из головы чужие слова, ничего в памяти не оседает, плевать мне на все.

– А может, у тебя старческий маразм, который ты по глупости принимаешь за юношеский пофигизм? – съязвила я.

Продолжить увлекательный разговор не удалось, появилась медсестра.

– Добрый день, меня зовут Нина. Госпожа Романова, вам надо съесть обогащенную простоквашу.

– Что-то очень вкусное? – поинтересовался Вовка. – Я здорово проголодался.

Нина вскинула брови.

– Ноу-хау нашего невропатолога. В кисломолочный продукт добавляется кислород, получается что-то вроде мусса. Но вам этого не надо. Идите на первый этаж в кафе, оно круглосуточное.

– Поем и вернусь сюда, – обрадовался Вовка.

– На часы посмотрите, – слегка повысила голос медсестра. – У Евлампии была тяжелая травма, ей надо лечь спать пораньше. Завтра поболтаете.

– Это верно, – вдруг согласился Костин и зевнул, – я сам устал.

Я проводила Вовку до лифта, вернулась в отделение, и Нина подвела меня к двери, на которой висела табличка «Диетическая».

– Здесь мы раздаем простоквашу, – сказала она. – Чтобы еда не растеряла все полезные свойства, она должна храниться при определенной температуре. У нас оборудовано...

И тут на посту замигала красная лампа, раздался противный воющий звук.

– Извините, вызов, – смутилась Нина.

– Идите скорей, – велела я.

Медсестра поспешила вперед, но по дороге обернулась:

– Съешьте простоквашу, она в кастрюльке. Только надо всю употребить, чтобы привести в норму анализы, они у вас пока не ахти.

– Не волнуйтесь, я адекватная и послушная пациентка, – заверила я. Войдя в небольшую комнату, я обнаружила на белом столе здоровенную емкость. На крышке жбана была надпись, сделанная бордовой краской: «Все Романовой. 5 л».

Я попяtilась. Это мне? Целых пять литров? Я хорошо отношусь к кефиру, йогурту, ряженке и прочим членам благородного семейства кисломолочных продуктов, но цистерна даже очень полезной простокваши как-то уж слишком.

Оглядевшись по сторонам, я заметила на другом столе много кружек с чайными ложками. У кастрюли был кран, я подставила под него чистую чашку и отвернула вентиль, из носика поползла густая пена.

Две первые порции я слопала легко, третья пошла не так хорошо, четвертая еле-еле. Я перевела дух. Сейчас уложила в желудок литр, осталось еще четыре. Нина говорила, что приготовленная особым образом простокваша должна привести в норму мои анализы. Надеюсь, волшебный напиток и правда поможет мне вновь обрести ясный ум, а то на данном этапе жизни я что-то медленно соображаю. Надо напрячься и впахнуть в себя второй литр.

Минут через десять я, тяжело дыша, оперлась о подоконник. Два с половиной литра – это предел. Живот у меня сейчас как у хорошо пообедавшего удава. Пойду на пост и честно признаюсь: «Все, возможности моего желудка исчерпаны. Готова молча терпеть уколы, но ведро простокваши победило госпожу Романову».

«А слабо еще пятьсот граммов уговорить? – тихо шепнул мой внутренний голос. – Тогда победа будет за тобой. Три выпитых литра больше, чем два оставшихся. Ну же, не сдавайся! Попрыгай и – вперед!»

Я подскочила на месте. Пена из желудка, как на лифте, поехала вверх. Я замерла. Нет, прыжки плохая идея, лучше походить.

Еще через двадцать минут я одолела очередной литр напитка и ощутила себя героиней. До полной победы осталось всего ничего – шесть кружек. И я приказала себе: «Давай, Лампуша, две ты впахнешь в себя спокойно».

Я опять открыла кран, но из него ничего не вытекло. Пришлось снять крышку с бордовой надписью «Все Романовой. 5 л» и заглянуть внутрь. Глаза уперлись в дно.

На меня напала икота. Получается, что в жбане было чуть меньше четырех литров простокваши. И где пятый? Не доложили! У меня не имелось ни малейшего желания слопать еще литр пены, но во всем должен быть порядок. Еще я не люблю воров.

Громко икая, я вышла в коридор, увидела на посту Нину, которая заполняла какие-то бумаги, и открыла рот:

– Ик, ик... – вылетело из него.

Медсестра оторвалась от работы.

– Ой, Лампа! А я-то голову ломаю, куда вы подевались. Где были? Я прямо вспотела, думая, что вы, не дай бог, еще войдете... – Нина резко замолчала, но тут же добавила: – В автоклавную. Вдруг обожжетесь?

– В кастрюле не было пяти литров, – прошептала я, – простокваши оказалось меньше.

– Так вот где вы обретались! – обрадовалась медсестра. – Ах я, коза, забыла, что отпратила вас молочку съесть. Хотя на работе, где нервы постоянно в напряжении, под вечер можно и собственное имя не вспомнить. Погодите! Вы что, мерили количество простокваши? Да, емкость не доверху заполнена, кое-кто уже съел свое, но многие отказались.

– Ик, – снова вылетело из меня, – ик... А можно было не лопать эту гадость?

Нина приложила палец к губам:

– Тсс! Вы не слышали моих слов. Некоторые больные такие безответственные – ужас. Привезут их по «Скорой», в реанимацию положат, а они давай выступать: «Что вы мне колете? Не хочу капельницу! Лекарства глотать не стану, это химия...» Доктор вежливо спрашивает: «Как же вас лечить?» А ему в ответ: «Как хотите. Но без таблеток, инъекций, клизм». Но

ведь не получится тогда ничего хорошего. И это еще полбеды. Полная беда начинается, когда человеку передвигаться по отделению разрешат. Пошастает по другим палатам, поболтает с пациентами и давай скандалить: «Почему ему выписали витаминные капли, а мне таблетки?» И капризов через край: «Диету соблюдать не стану, дайте холодец, как Ване из десятой палаты». Вот же глупость: у Ивана рука сломана, ему заливное для укрепления костей дают, а у тебя панкреатит, в этом случае холодец просто яд, гвоздь в гроб. С простоквашей вообще горе. Хорошая же вещь, но многие ноют: невкусно, пресно, сдобрите вареньем, сахаром, фруктами. Но тогда ведь вся польза пропадет! А вы молодец, съели свою порцию.

– Ик, – кивнула я. – Но поскольку кто-то из моей кастрюльки отпил, я слопала чуть меньше четырех литров. Фуу...

Медсестра вытаращила глаза:

– Сколько?

– Ик... четыре литра, – повторила я, – без малости. Чуть не умерла.

– Матерь Божья, как в вас столько влезло? – ахнула Нина. – Немыслимое дело!

– Сами, ик, велели, я не обжора, – обиделась я.

– Я? – изумилась медсестра. – Попросила вас столько съесть?

Простокваша в моем животе принялась радостно прыгать. Я прижала ладони к пупку.

– Сказали: «Выпейте кисломолочный продукт, только надо употребить весь».

Нина оперлась локтями о стол.

– Я имела в виду одну кружку.

Икота навалилась на меня с утроенной силой.

– Всего двести пятьдесят граммов? Ик-ик-ик...

– Ага, – сдавленным голосом подтвердила Нина и начала кашлять.

– Вы не уточнили количество, – только и смогла возразить я, – но подчеркнули, что надо съесть всю порцию.

– В тот момент сигнал вызова поступил, – сказала медсестра, – и я помчалась в палату. Наверное, плохо вам объяснила, извините.

– На крышке была надпись «Все Романовой. 5 л», – прошептала я.

Нина прикрыла рот рукой.

– А, теперь понятно. Дело в том, что просто-квашу разливают на пищеблоке всем отделениям сразу, потом баклажки на тележках по местам назначения развозят. Каждая подписана, чтобы не перепутать кому сколько. У нас много больных, поэтому на таре обычно пишут «Все Романовой. 5 литров». Евгения Романова – это наша старшая медсестра. А вот на шестом этаже два отделения, и у них другая надпись... «Половина Кузнецовой, половина Решетниковой». Надо содержимое разделить.

Я проглотила простоквашу, которая при очередном приступе икоты добралась до носа.

– Идите к себе и ложитесь спать, – посоветовала Нина. – Не расстраивайтесь, простоквашка наша прямо яма здоровья, вам только лучше, что столько съели. Хотите, я вас от икоты вмиг вылечу? Методом психотерапии, никаких лекарств.

– Отлично, – обрадовалась я, – ик, ик...

Медсестра встала.

– Повернитесь спиной к холодильнику, расслабьтесь, закройте глаза, не оглядывайтесь. Все хорошо, вам комфортно, тепло, уютно. Да?

– Да, ик, ик... – прошептала я и услышала тихий шорох.

– Вам очень-очень спокойно, – бормотала Нина, – приходит сон...

Я зевнула и вдруг ощутила, как по спине катится огненный шар. Он пролетел от шеи до поясницы, попал в мои трусики и стал гореть там.

– А-а-а! – заорала я, открывая глаза. – Мама, это что? Пожар! Помогите!

– Спокойно, спокойно, – зачастила Нина, – ничего горячего.

Я обернулась.

– У меня горит филейная часть, и по ней что-то течет. Что случилось?

– Вот вы и успокоились, – довольно заметила девушка. – Я применила хорошо известное средство, придуманное Гиппократом: если человек впадает в истерику, рыдает, орет, корчится или икает, надо его сначала расслабить, привести в состояние нирваны, а потом внезапно кинуть ему за шиворот кусочек льда. Всегда срабатывает. Видите, как здорово? Вам помогло.

– С-с-спасибо, – с трудом произнесла я.

Народные средства не всегда хороши. Да, икота у меня прошла, зато я превратилась в заику. Уж не знаю, что лучше. А еще мне не понравился эпитет «яма здоровья», которым медсестра охарактеризовала простоквашу. Не внушает он большого оптимизма. Хорошо хоть Нина не сказала «могила здоровья».

Ощущая себя воздушным шариком, внутрь которого залили кисломолочный продукт, я добрела до своей палаты и увидела посреди нее спортивную сумку, из которой торчала нога в ботинке. К подошве был приклеен лист размера А-4 с объявлением: «Не трогать убитого. Голову откушу. Енот Сергеев».

Я потеряла глаза, ощутила приступ тошноты, ринулась в сортир, избавилась от простокваши и понеслась на пост.

Нина, изучавшая что-то в планшетнике, оторвалась от увлекательного занятия.

– О, вы прекрасно выглядите – вон как глаза блестят.

– В моей палате сумка с трупом, – выдохнула я.

Нина приоткрыла рот.

– С трупом? С каким?

– С-судя по н-ноге, обутой в черный б-ботинок, м-мужским, – прозаикалась я.

Медсестра встала.

– Лампа, дорогая, в нашем отделении все живы-здоровы.

– Нет, – зашептала я, – кто-то умер и сейчас лежит в спортивной сумке в моей палате.

– Я недавно обходила этаж, люди отдыхают, вам почудилось, – начала успокаивать меня де-журная.

– Сами поглядите, – велела я.

– Хорошо, пойдёмте, – мирно согласилась Нина. И на ходу продолжила: – Но понимаете, если в отделении кому-то делается плохо... такое случается, я не стану врать, что всех вылечивают... если иногда, порой, очень редко, кое-кому совсем пожилому станет хуже, его увозят в отделение интенсивной терапии. На нашем этаже смерть больного невозможна. Разве только человека лет ста двадцати Господь к себе заберет, тогда его тело спустят в наш новый уютный морг. Никто в сумку останки не запихнет.

Медсестра открыла дверь в мою палату.

– Ну? Где то, что вас напугало?

– Н-нету, – прозаикалась я. – П-подождите, не ух-х-одите!

Нина встала у двери и скрестила руки на груди. А я начала обыскивать помещение – открыла шкаф, посмотрела под кровать, заглянула в ванную.

– Так и есть, как я говорила, отсутствует трупик, – нежно пропела медсестра. – Что ж, дорогая Лампа, устраивайтесь баиньки. Вы после травмы, глюки естественны.

Я показала пальцем на середину палаты:

– Сумка стояла тут.

– Конечно, конечно, – закивала Нина.

– Я видела ногу в ботинке.

– Я верю вам.

– На его подошве был лист с сообщением: «Не трогать убитого. Голову откушу. Енот Сергеев».

- Очень интересно! – воскликнула Нина.
- В отделении есть мужчина по имени Енот Сергеев?
- Нет, – быстро ответила медсестра.
- А если подумать? – разозлилась я.

– Я отлично знаю врачей, средний медперсонал, нянечек. Енотов среди них нет. Вот жаб сколько угодно. – Нина на мгновение выпала из роли «девушка – сладкий пряник». – И больные на нормальные имена откликаются, вы у нас одна Лампа.

Один из карманов халата медсестры замигал зеленым светом, потом раздался тихий искаженный динамиком голос:

– Волянкина, ты где шляешься? Мы с Костей, когда жмурика увозили, в палате сопроводилровку забыли. Спусти нам потом.

Нина покраснела, вытащила рацию и буркнула:

– Ладно.

Затем улыбнулась мне.

– Жмурик? – подпрыгнула я. – Значит, все же кто-то умер.

– Это совсем не то, о чем вы подумали, – залебезила Нина, – у нас травили тараканов, теперь их надо убрать. Вот и все. Спокойной ночи. Пойду, замету то, что от дезинфекторов осталось.

– Я с вами, – уперлась я, – хочу посмотреть на останки насекомых.

Нина протяжно вздохнула.

– Ну, хорошо... Лампа, нам не разрешают сообщать больным, что кто-то скончался. На самом деле смертность в нашем отделении почти нулевая. Обычно мы заранее видим, что человек скоро отойдет, и увозим его, чтобы не тревожить больных. Но сегодня, когда мы с вами пошли за простоквашей, случился форс-мажор – женщина из десятой палаты с собой покончила. Ее нашла наша нянечка, вызвала меня, я кликнула реаниматологов. Но было уже поздно, врачи сказали, что самоубийца скончалась часов в шесть вечера. Я в ту палату не заглядывала, назначения-то все были выполнены, поэтому никто не заметил, что бедняга уже не в нашем мире. Надо же, ведь должна была выписаться скоро... Ей удалили липому, это неприятно, но не страшно. И совсем не опасно, просто жировик. Галкиной делали все необходимые назначения, но заходить к ней в палату часто не было нужды. Милая тихая женщина, у нее сын и невестка. Видно было, что отношения в семье прекрасные – родные больную каждый день навещали. Невестка все спрашивала: «Точно не онкология? Точно не онкология?» Уж ей и я, и врач говорили: «Нет, доброкачественное образование». А она тряслась: «Наверняка знать не можете, вскроют руку, а там запущенная стадия». Я не выдержала и сказала ей: «Зачем вы себя накручиваете? И мужа небось покоя лишили. Нет у вашей свекрови ничего плохого. К тому же рак лечится». Так она на меня чуть ли не с кулаками накинулась: «Врете красиво, но у Раисы Петровны была сестра Лидия, ей тоже доктора сначала в уши гудели: «Ерунда, пустяк, вырежем и забудем». А потом – суп с котом, неоперабельна. Семь лет Лидия Петровна у нас дома лежала. Не передать словами, что нам пережить пришлось. Надо было плакать, когда тетя Лида умерла, а мне от радости плясать хотелось. Теперь я повторения боюсь. Еще столько лет ада я не выдержу».

– Ниночка, давайте перекусим, заедим стресс? – предложила я. – У вас и у меня был нервный вечер. Мне тут вкуснятины притащили: икорку, рыбки деликатесной, салат овощной, капустку соленую и картошечку, в духовке запеченную. Мы ее в СВЧ-печке разогреем, она в моей палате есть.

– Нам не разрешают ничего у больных брать, – грустно сказала медсестра.

– Так я ничего вам с собой и не предлагаю, – заговорщицки зашептала я. – В отделении никого из врачей нет. Никто не узнает, что мы с вами пикник устроили.

– Доктор тут, – пробормотала Нина, – Матвей Олегович.

– Да ну? – удивилась я. – И где он?

Медсестра махнула рукой.

– Спит. Прямо человек-камень, не добудиться его, если чего случится. Вообще поднять невозможно. Когда мне про беду с Галкиной сообщили, я мигом реаниматологов кликнула. Вот они со своими чемоданами в секунду прилетели, велели мне дежурного врача с койки поднять. И что? А ничего. Даже не пошевелился.

Я обняла Нину.

– Вот и славно, никто не узнает, что вас на посту нет. Начнут искать – услышите сигнал. А если ко мне в палату кто сунется, скажете, что пациентка Романова попросила дать ей таблетку от головной боли. Мы с вами перенесли стресс, его надо вкусной едой заесть.

Глава 11

– Странно, однако, что женщина с липомой, да еще после операции, вдруг решила отравиться, – вздохнула я, накладывая Нине на одноразовую тарелку картошку. – Еще можно понять больного, который испытывает невыносимые физические страдания. Но у Галкиной ведь ничего не болело?

– Нет, не болело, – подтвердила Нина, взяв кусок рыбы. – Она, правда, сильно волновалась, у всех спрашивала: «Ваша лаборатория хорошо анализы делает? Онкологию не пропустит?» Ее уверяли, что наши сотрудники лучшие, но Галкина все никак не успокаивалась. А в остальном она была очень милой. Поэтому сегодня утром, когда пришел отрицательный результат, я к ней со всех ног кинулась, обрадовала: «Все у вас отлично, это просто жировик». Между прочим, я правила нарушила, ведь средний медперсонал не имеет права ни о каких новостях больным докладывать. Но обход у нас в час дня, и я подумала, что Галкиной лучше не нервничать до этого времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.